

173
3

801-03
1104-0

975 ab

C $\frac{53}{209}$ 1981

ВОСТОЧНЫЯ ЗАМѢТКИ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ И ИЗСЛѢДОВАНІЙ

ПРОФЕССОРОВЪ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

ФАКУЛЬТЕТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1895.

XXI-3619/
к. А. 10
1944

Памятникъ Ходжи Ахрара въ Самаркандѣ.

Гордость и славу Западнаго Туркестана составляютъ его чудныя мечети, свидѣтели былого процвѣтанія страны въ блестящее время Тимура и его потомковъ. Однѣ изъ этихъ мечетей уже разрушились, другія мало по малу разрушаются. Не смотря на всю страсть Тимура къ постройкамъ этого рода, онѣ могли возникнуть только благодаря несмѣтнымъ богатствамъ, стекавшимся тогда въ Самаркандъ изъ большей части Азіи, и массѣ заполоненныхъ мастеровъ (архитекторовъ, каллиграфовъ, гончаровъ), увведенныхъ изъ разныхъ государствъ этимъ великимъ завоевателемъ въ его столицу и поставленныхъ тамъ на работу. Это сосредоточеніе матеріальныхъ и художественныхъ силъ въ Самаркандѣ и создало тѣ зданія, которыя даже въ развалинахъ вызываютъ наше удивленіе. Но и вообще надо замѣтить, что мусульмане нѣкогда приносили болѣе крупныя жертвы для удовлетворенія своего религіознаго чувства, чѣмъ приносятъ они теперь, что степень развитія населенія съ того времени понизилась. Нынѣ туркестанцы ничего подобнаго создать не могутъ и сами удивляются искусству прежнихъ строителей. Прежде надписи на общественныхъ зданіяхъ, на могильныхъ памятникахъ, на монетахъ писались по арабски, — теперь туземные ученые не могутъ даже и читать ихъ. Все измельчало въ Туркестанѣ, все пришло въ упадокъ; усилилось лишь ханжество, насильно привитое народу эмирами-святошами, подавившими въ странѣ всякую свободу мысли, слѣды которой замѣтны въ прежнихъ народныхъ произведеніяхъ.

Нельзя сказать, чтобы туземное население особенно цѣнило памятники прежняго величія своей страны. Люди, повидимому наиболѣе заинтересованные въ сохраненіи этихъ памятниковъ, муллы, за деньги готовы пожертвовать всѣмъ. За деньги они продали мѣстную святыню—коранъ изъ мечети Ходжи Ахрара, за ничтожную подачку они выломають для туриста изразцы изъ облицовки мечетей. За деньги они святотатственной рукой ковыряють нефритовое надгробіе Тамерлана, не щадя даже надписей. И если бы не забота русской власти о сохраненіи этихъ сооружений, они быстро были бы растасканы. Но за то народъ крѣпко хранить память о своихъ святошахъ, *ишанахъ*, благоговѣнно чтить ихъ и совершаетъ въ опредѣленные сроки богомолья на ихъ гробницы, вѣруя въ спасительное дѣйствіе молитвы на мѣстѣ ихъ упокоенія. Такихъ святыхъ у туркестанцевъ-мусульманъ довольно много, и среди нихъ видное мѣсто занимаетъ Ходжа Ахраръ, похороненный въ одномъ селеніи, прилежащемъ къ Самарканду по дорогѣ въ Карши.

Ходжа Насирадинъ Убейдаллахъ, настоятель ордена Накшбендіевъ, болѣе извѣстный подъ именемъ «Ходжа Ахраръ», несомнѣнно одна изъ самыхъ выдающихся личностей среднеазиатскаго ислама и вполне заслуживаетъ такого-же вниманія со стороны европейскихъ изслѣдователей ислама, какого онъ удостоился съ другой точки зрѣнія со стороны своихъ единовѣрцевъ, чтившихъ въ немъ святого, «близкаго» къ Божеству, прославлявшихъ его какъ избранника Божьяго и преклонявшихъ предъ его подвижнической жизнью и высокой мудростью. Матеріалы для изученія вѣшней и внутренней жизни Ходжи Ахрара имѣются въ изобиліи въ сочиненіяхъ какъ современниковъ знаменитаго подвижника, такъ и позднѣйшихъ поколѣній, такъ какъ изъ всего ряда настоятелей широкораспространеннаго и вліятельнаго дервишскаго ордена Накшбендіевъ Ходжа Ахраръ является едва-ли не самымъ значительнымъ.

Сейидъ Рахимъ въ своемъ извѣстномъ сборникѣ хропограммъ въ статьѣ о Ходжѣ Ахрарѣ (подъ 895 годомъ) между прочимъ указываетъ на сочиненія трехъ современниковъ Ходжи, которыя содержатъ подробное изложеніе жизни и дѣятельности святого. *Первое* изъ нихъ *سلسلة العارفين* составлено Мухаммедъ-Казіемъ *مولانا محمد قاضی*, ученикомъ Ходжи Ахрара.

Мухаммедъ-Казій умеръ въ 922 году ¹⁾. Сочиненіе его было извѣстно Хаджи Хальфѣ (см. изд. Флюгеля III, 607) и вѣроятно со временемъ найдется экземпляръ въ нашихъ среднеазиатскихъ владѣніяхъ, а можетъ быть даже и среди еще не каталогизованныхъ нашихъ рукописей ²⁾ среднеазиатскаго происхожденія. Въ европейскихъ собраніяхъ оно, сколько намъ извѣстно, не находится. — Второе сочиненіе ссть *مجمع* «Сборникъ» Миръ-Абдъ-Авваля, умершаго въ 905 г.; см. *ترجمة رشحات*, стр. 402. Третье, наконецъ, есть извѣстное сочиненіе Сафія, т. е. Алія, сына Хусейна-Ваиза, озаглавленное *رشحات عين الحياة* т. е. «Испаренія источника жизни» и въ турецкомъ переводѣ ³⁾, изданномъ въ 1236 году въ Константинополѣ, всѣмъ доступное.

Но помимо этихъ сочиненій, въ которыхъ Ходжѣ Ахрару отведено главное мѣсто, мало найдется произведеній среднеазиатской мусульманской литературы, относящихся ко второй половинѣ 9-го вѣка гиджры или же упоминающихъ объ этомъ времени, въ которыхъ не нашлось бы упоминанія также и о святомъ этомъ мужѣ въ той или другой формѣ. Изъ всѣхъ доступныхъ намъ сочиненій наиболѣе полную и поучительную картину его жизни и ученій однако даютъ «Испаренія источника жизни» и къ нимъ слѣдуетъ обратиться всякому, кто желаетъ знать каковъ въ дѣйствительности былъ Ходжа Ахраръ, и чему онъ училъ.

Въ народѣ память о немъ до сихъ поръ жива, какъ уже замѣчено было выше, и нельзя сказать, чтобъ эта память не соответствовала дѣйствительному, историческому Ходжѣ Ахрару, пока рѣчь идетъ о нравственномъ обликѣ святого. Другое дѣло внѣшнія обстоятельства его жизни, свѣдѣнія объ его происхожденіи и пр. Тутъ, разумѣется, многое перепутано, многое прямо невѣрно и невозможно. Не имѣя на этотъ разъ намѣренія писать изслѣдованіе о Ходжѣ Ахрарѣ, мы ограничимся здѣсь приведеніемъ

1) Сейидъ Рахимъ подъ этимъ годомъ. См. Collections scientifiques de l'Institut des langues or., Manusc. persans. St. P. 1886, p. 125, и ср. еще Rieu, Catal. of the Pers. Man. III, 859^b.

2) Можетъ быть, оно окажется тождественнымъ съ *تذكرة الاولياء* того же автора, упомянутымъ Б. А. Дорномъ въ Mélanges Asiatiques V, 250, № 100.

3) Персидскій подлинникъ сохранился въ нѣсколькихъ экземплярахъ, и описывался много разъ. См. Rieu, I, 353, и III 1085^b, Sachau-Ethé, Catalogue etc. I, 192, № 360.

нѣкоторыхъ собранныхъ на мѣстѣ свѣдѣній о святомъ, которыя могутъ дать понятіе о характерѣ народныхъ преданій о немъ.

На основаніи такихъ преданій, собранныхъ въ Самаркандѣ, оказывается, что предкомъ Ходжи Ахрара былъ выходецъ изъ Стамбула, Шейхъ Антауръ¹⁾, поселившійся «дѣтъ 400 тому назадъ» въ г. Ташкентѣ. Богатство, благотворительность и набожность этого пришельца доставили ему такую славу, что ташкентцы увѣковѣчили его память, назвавъ одну изъ четырехъ частей города его именемъ, удержавшимся и до настоящаго времени. Шейхъ оставилъ многочисленное потомство, среди котораго особенно прославился Убейдаллахъ, сынъ Ходжи Махмуда, торговца по профессіи. Замѣтивъ въ сынѣ особенную набожность и склонность къ религіознымъ размышленіямъ, Ходжа Махмудъ далъ ему прозваніе *Ахраръ*²⁾, т. е. «посвященный Богу» и предоставилъ средства усовершенствоваться въ богословскихъ наукахъ. На двѣнадцатомъ году Ходжа Ахраръ поступилъ мюридомъ къ *пиру* (духовному руководителю), Шейху Мухаммеду Нами³⁾, послѣдователю дервишскаго ордена Накшбенди; а послѣ смерти этого шейха сдѣлался его преемникомъ и собралъ вокругъ себя толпу учениковъ. Тогда онъ оставилъ Ташкентъ и поселился въ Самаркандѣ, гдѣ построилъ

1) Хорошхинъ пишетъ: Шейх-ауанди-тауръ (чистый князь). См. Сборникъ статей, касающихся до Туркестанскаго края А. П. Хорошхина, Спб. 1876, стр. 240—241. — На самомъ дѣлѣ предокъ, по мужской линіи, Ходжи Ахрара, Ходжа Мухаммедъ Нами, былъ родомъ изъ Багдада, по другимъ изъ Хорезма, жилъ въ Багдадѣ до пріѣзда туда знаменитаго шафитскаго ученаго Абу Бекра Мухаммеда ибн-Исмаила ал-Каффала ап-Шаши (т. е. Ташкентскаго) и, поступивъ въ число его учениковъ, вслѣдъ за нимъ переселился въ Ташкентъ. По женской же линіи предкомъ его былъ Шейхъ Омаръ Багистани (изъ Багистана, селенія недалеко отъ Ташкента). См. *ترجمة رشحات*, ۳۸۱—۳۸۲. — Абу Бекръ ал-Каффаль жилъ въ 4 вѣкѣ гиджры († 365 или 366; см. н. пр. Jacut's Geogr. Wörterb. etc. VI, 681), такъ что время переселенія предка Ходжи Ахрара въ Ташкентъ народнымъ преданіемъ опредѣляется весьма невѣрно. Слѣдовъ стамбульскаго «Шейха Антаура» намъ пока не удалось отыскать.

2) [Я подозреваю, что прозвище *خواجه احرار*, которое первоначально безъ сомнѣнія произносилось съ *изафетомъ*, т. е. *خواجه احرار* = ходжа свободныхъ, благородныхъ, т. е. дервишей, Убейдаллаху было впервые дано Джаміемъ въ *تحفة الاحرار* (ed. Falconer, London, 1848 р. ۲۲), и съ его легкой руки и осталось за святымъ мужемъ. Эти стихи Джаміа приводятся также и Сейидъ Рахимомъ и въ *رشحات*; см. тур. перев. ۴۱۸. В. Р.].

3) Это, какъ явствуетъ изъ прим. 1 совершенно невѣрно. Мухамедъ Нами былъ предокъ Ходжи Ахрара, а не учитель его.

медресэ, въ которомъ самъ сдѣлался преподавателемъ. По тѣмъ же мѣстнымъ преданіямъ онъ былъ очень богатъ: ему принадлежали всѣ земли на югъ отъ Самарканда до Шахрисябзскихъ горъ, онъ владѣлъ безчисленными стадами, обширными полями и садами. Но эти богатства для него лично не имѣли цѣнности. Онъ велъ самый строгій образъ жизни, самъ обрабатывалъ поле въ окрестностяхъ Кара-куля, богатства же свои употреблялъ на благотворительныя дѣла и, между прочимъ, нерѣдко снаряжалъ на свой счетъ богомольцевъ въ Мекку. Одинъ изъ такихъ пилигримовъ и принесъ изъ Турціи своему *пиру*, Ходжѣ Ахрару, коранъ, писанный «святою» рукою третьяго халифа Османа¹⁾. Впослѣдствіи Ходжа Ахраръ передалъ этотъ коранъ въ свое медресэ, которое имѣло отъ этой святыни большой доходъ²⁾.

Много передается разсказовъ о необыкновенномъ богатствѣ, щедрости и благотворительности Ходжи Ахрара. Одинъ изъ такихъ разсказовъ записанъ А. П. Хорошхинымъ: Дувана (юродивый) Машрабъ³⁾, современникъ Ходжи Ахрара, ѣхалъ на единственномъ своемъ ослѣ изъ Бухары въ Самаркандъ. Близъ этого послѣдняго онъ встрѣтилъ стадо барановъ и спросилъ у *чапановъ*: «чи бараны»? — «Хазрета Ходжи Ахрара», отвѣчали пастухи. Продолжая путь дальше, дувана увидѣлъ стадо коровъ. «Чи коровы?» обратился онъ къ *падачамъ*. — «Хазрета Ходжи Ахрара», послѣдовалъ отвѣтъ. Дальше на пути попалось стадо верблюдовъ. «Чи верблюды?» запросилъ дувана *тюячей*. — «Хазрета Ходжи Ахрара», объяснили они. Наконецъ, дувана замѣтилъ табунъ ословъ. «Чи ослы?» задалъ онъ вопросъ. — «Хазрета Ходжи Ахрара», отвѣчали *ишакчи*. — «Великъ Богъ!»! вскричалъ дувана, спрыгнувъ съ своего осла, «про что ни спросишь — все Хазрета

1) По распросамъ А. Л. Куна переселеніе Ходжи Ахрара въ Самаркандъ совершилось послѣ полученія корана.

2) Быть можетъ вѣрнѣе предположить, что коранъ этотъ попалъ въ Самаркандъ вслѣдствіе походовъ Тимура въ Западную Азію.

3) Дувана Машрабъ, острякъ и циникъ, очень популяренъ въ Средней Азіи. Есть сборники его изреченій и поученій самаго скабрезнаго содержанія. Личность эта, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ глубокаго вниманія и серьезнаго изученія, какъ примѣръ былого свободомыслія въ рѣшеніи разныхъ религіозныхъ вопросовъ, и какъ продуктъ умственной жизни народа до узбекскаго завоеванія. Дувана постоянно велъ религіозные споры съ туземными богословами и всегда одерживалъ надъ ними верхъ.

Ходжи Ахрара! Такъ ступай же и ты въ его стадо!» — обратился онъ къ своему животному: «только тебя и не доставало у Хазрета Ходжи Ахрара!» И онъ загналъ своего осла въ стадо ¹⁾.

Другое преданіе, уже относительно щедрости и благотворительности Ходжи Ахрара, было записано мною въ Самаркандѣ. Ходжа подковывалъ свою лошадь золотыми подковами, но гвозди при этомъ употреблялъ деревянные, чтобы чаще терять подковы и такимъ образомъ тайно помогать ближнимъ ²⁾.

Про него рассказываютъ еще, что онъ щедро подавалъ милостыню и кормилъ бѣдныхъ. Самаркандцамъ же онъ подарилъ обширный садъ для общественныхъ гуляній, существующій и по нынѣ и извѣстный подъ названіемъ *Намаза*. Садъ расположенъ въ одной верстѣ отъ города за воротами, названными въ честь богача-филантропа *Ходжа-Ахрарскими* ³⁾. Ему приписывается насажденіе туговой аллеи по дорогѣ изъ Самарканда въ Дагбидъ. Такія посадки относятся въ Туркестанѣ къ дѣламъ благотворительности. Съ его же именемъ связано появленіе въ Самаркандѣ, какъ сказано, извѣстнаго Корана, писаннаго на пергаментѣ кувическимъ письмомъ ⁴⁾. На средства этого же богача получилъ, будто-бы, свое существованіе арыкъ Даргамъ за Самаркандомъ ⁵⁾.

Въ среднеазиатской литературѣ подъ именемъ Ходжи Ахрара ходитъ нѣсколько трактатовъ رسالة назидательнаго характера. Вамбери приписываетъ ему сочиненіе подъ заглавіемъ تحفة الاحرار; (см. Geschichte Buchara's II, p. 30) но это очевидное недоразумѣніе, основанное на невѣрно понятомъ мѣстѣ Сейидъ Ракима, у котораго цитруется стихъ изъ Джамиева تحفة الاحرار, относящійся къ святому.

1) Хорошхинъ, I. с., стр. 230—231.

2) См. «Поѣздку въ Дагбидъ» въ Запискахъ Восточнаго Отд. Имп. Русск. Археолог. Общ. (Спб. 1888) т. III, стр. 85—95.

3) Леманъ ошибочно пишетъ: Chodsche Archan (A. Lehmann's Reise nach Buchara und Samarkand. St. Petersburg. 1852. S. 149).

4) См. о немъ въ замѣткѣ А. Л. Куна «Коранъ Османа» (въ Матеріалахъ для статистики Туркестанскаго края, вып. III, Спб. 1874, стр. 401—404) и въ статьѣ А. О. Шебунина въ Запискахъ Восточн. Отд. Имп. Русск. Археологическаго Общества, т. VI, стр. 69—133. Указаніями Куна и Хорошхина воспользовался Скайлеръ. См. Turkistan by Eugene Schuyler. London 1876, v. I, pp. 256—257.

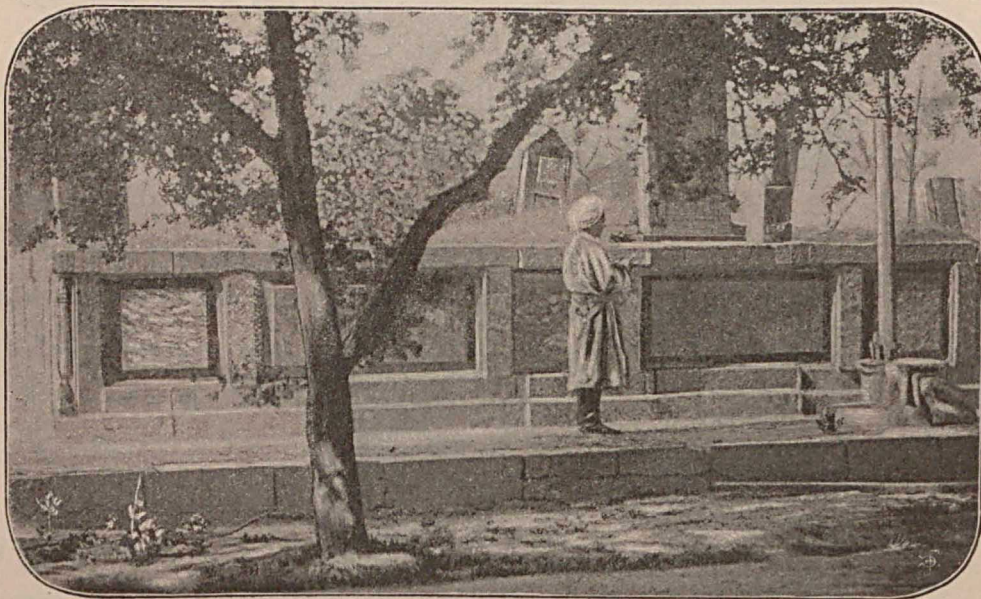
5) В. В. Крестовскій, «Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго». Спб. 1887, стр. 77.

Общій видъ кладбища Ходжи Ахрара.

Ходжа Ахраръ похороненъ при медресѣ, постройку котораго народная молва приписываетъ ему. Можетъ быть, что онъ при жизни построилъ медресѣ, хотя мы о томъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ не имѣемъ. Но нынѣ существующее зданіе медресѣ ¹⁾ построено много позже, какъ о томъ свидѣтельствуесть сохранившаяся на фронтонѣ мечети надпись, которая нами приводится въ концѣ этой замѣтки.

Могила Ходжи Ахрара устроена въ *дахмъ*, т. е. террасообразномъ возвышеніи, облицованномъ мраморными плитами. (См. нижеслѣдующій рисунокъ). Мѣсто могилы обозначено большой мраморной плитой, утвержденной въ стоячемъ положеніи. Тутъ же водруженъ бунчукъ съ конскимъ хвостомъ. (См. прилагаемую таблицу). Вокругъ похоронены родственники Ходжи, а внизу постороннія лица, среди которыхъ выдѣляются нѣкоторые потомки Астраханской династіи.

Надгробная плита имѣетъ слѣдующіе размѣры: высота — 3 аршина $5\frac{1}{2}$ вершковъ, ширина — 1 арш. $2\frac{3}{4}$ в., толщина $3\frac{5}{8}$ в. Она испещрена надписями. Съ лицевой стороны поле ея, нѣсколько углубленное, занято

1) Странно, что Ханьковъ въ своемъ «Описаніи Бухарскаго ханства» вовсе не упоминаетъ объ этихъ сооруженіяхъ. Рисунокъ медресѣ Ходжи Ахрара помѣстилъ Скайлеръ въ I-мъ томѣ своего Туркестана, у стр. 238.

арабскимъ текстомъ въ 17 строкъ горизонтальныхъ, а внизу четыре двойныхъ строки персидскихъ стиховъ. По бокамъ съ трехъ сторонъ идетъ въ видѣ бордюра арабская надпись, начинающаяся на правомъ выступѣ и идущая снизу вверхъ, затѣмъ горизонтально и потомъ внизъ. На лицевой сторонѣ на особомъ выступѣ изсѣченъ мусульманскій символъ, а на оборотѣ небольшое изреченіе:

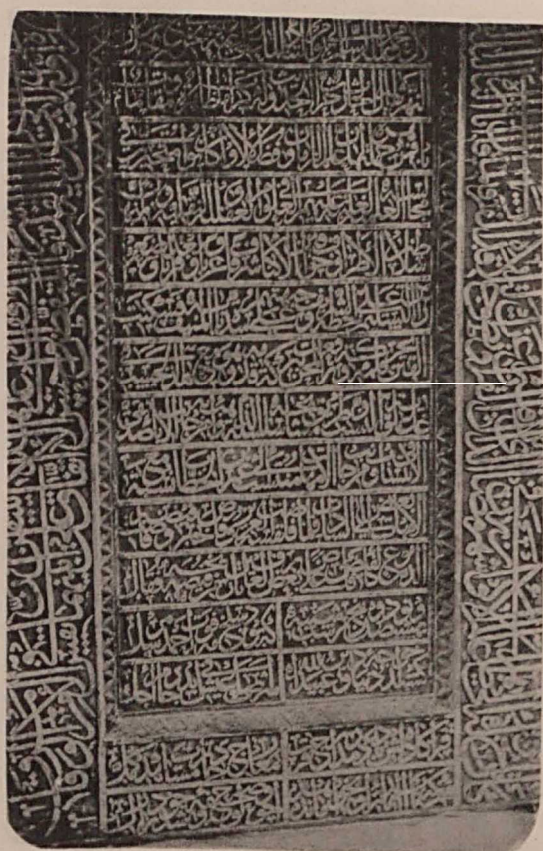
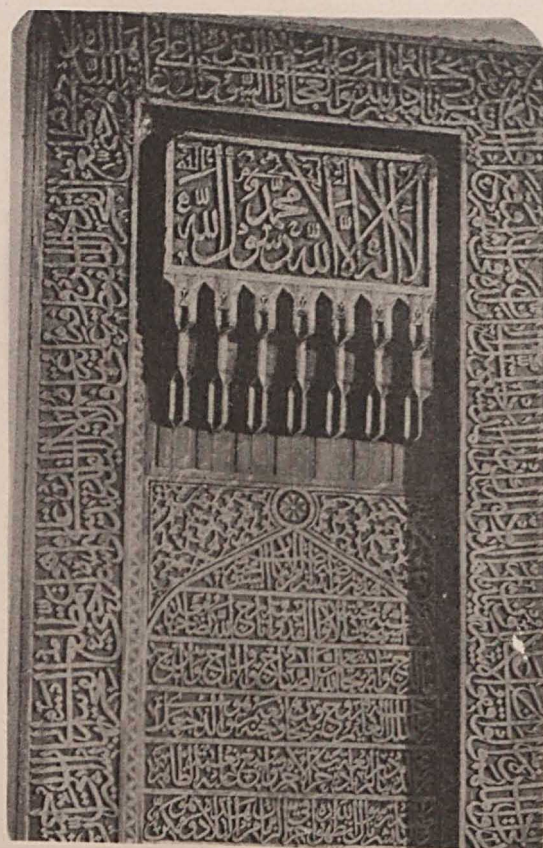
لَمَّا مَلَكَ الْيَوْمَ لِلَّهِ الْوَاحِدِ الْقَهَّارِ

Кромѣ того плита украшена рѣзбой.

Надпись въ серединѣ плиты гласитъ такъ: ¹⁾

1 هذه روضة استراحت من الانهار السَّبَّوحَةِ
وَجَنَّةٌ اسْتَجَمَّتْ بِجَنَّةِ الْأَنْوَارِ الْقَنُوسِيَّةِ ارْتاحَ اللَّهُ لَصَاحِبِهَا بَعْدَ
مَا أَرَاهُ وَابْتَغَى رِيحَانُ اللَّهِ فِي الصَّبَاحِ وَالرَّوَّاحِ وَأَرَاهُ
رُوحَهُ الْمَلِكِ الْعَلِيمِ فَرُوحَ وَرِيحَانُ وَجَنَّةٌ نَعِيمٌ وَهُوَ الَّذِي جَعَلَ
5 مَزْرَعَةَ الدُّنْيَا ذَرِيْعَةً لِّزِيَادَةِ حَرْثِ الْآخِرَةِ وَاسْبَغَ عَلَيْهِ نَعْمَهُ الظَّاهِرَةَ
وَالْبَاطِنَةَ بَشَرْنَا رَسُولَ اللَّهِ بِظُهُورِهِ فِي آخِرِ الزَّمَانِ مِنْ هَذِهِ الْبِلَادِ وَهُوَ مُمْكِنٌ
لِّأَلِّ مُحَمَّدٍ عَلَيْهِ السَّلَامُ إِلَى يَوْمِ التَّنَادِ لَمَّا رَوَى عَلَيٌّ عَنْهُ بِخَرَمِ رَجُلٍ مِنْ وَرَاءِ
التَّهْرِ يُقَالُ لَهُ الْحَارِثُ حَرَّاثُ الْحَدِيثِ وَلَهُ كِرَامَاتٌ ظَاهِرَةٌ وَمَقَامَاتٌ
بَاهِرَةٌ فَمِنْ جَمَلَتِهَا أَنَّ عُلَمَاءَ الزَّمَانِ وَفُضَلَاءَ الْأَوَانِ كَانُوا مُتَخَيِّرِينَ فِي
10 مَجَالِسِهِ الْعِلْمِيَّةِ لِعُظَمَاتِهِ عَلَيْهِمْ فِي الْعُلُومِ الْعَقْلِيَّةِ وَالنَّفْثِيَّةِ وَمِنْهَا أَنَّ
سُلَاطِينَ الْأَطْرَافِ وَخَوَاقِينَ الْأَكْنَافِ شَرْقًا وَغَرْبًا وَبَعْدًا وَقَرَبًا وَضَعُوا
رَأْسَ التَّسْلِيمِ عَلَى خَطِّ الشَّرِيفِ وَجَبْهَتِهِمْ عَلَى سَدِّ بَابِهِ الْمَنِيْفِ فَسَكَنَتْ
الْفَتَنَ بِحَرَكَةِ قَلَمِهِ وَارْتَفَعَتْ الْمَحَنُ بِبَرَكَتِهِ قَدَمِهِ وَهُوَ مَعَ هَذَا الْحَسَبِ فِي
غَايَةِ عُلُوِّ النَّسَبِ وَطَرِيقِ مَشَايِخِ سُلْسَلَةِ الذَّهَبِ وَأَتَتْهُ مِنْ جَانِبِ الْأَبَاءِ صَدِّيقِي
15 فِي الْإِنْتِسَابِ وَمِنْ جَانِبِ الْأُمَمَاتِ مُنْتَسِبٌ إِلَى عُمَرِ بْنِ الْخَطَّابِ مَعَ نَسَبِهِ
بَعْضُ الْأُمَمَاتِ إِلَى السَّادَاتِ فَلَمَّا فَاضَتْ نَفْسُهُ الْعَزِيزُ وَفَاضَ خَيْرُ فَيْضِهِ وَفَاضَتْ
الدَّمْعُوعُ كَالْفَيْضِ فَاضَ عَلَى بَعْضِ الْعَارِفِينَ تَارِيخَهُ مِنْ فَيْضِهِ فَقَالَ

1) Прилагаемый снимокъ надписи сдѣланъ съ фотографіи въ *Туркестанскомъ Альбомѣ* (по экземпляру университетской бібліотеки) и потому, какъ и оригиналъ, раздѣленъ на двѣ части; при этомъ надо замѣтить, что оригинальная фотографія обѣихъ частей снята не подъ однимъ угломъ. Кромѣ того наклеивавшій фотографію въ альбомъ, къ сожалѣнію, обрѣзалъ немного углы; ничего однако существеннаго не утрачено и надпись читается безъ всякихъ пропусковъ.

Надпись надгробного камня на могилѣ Ходжи Ахрара.

بهشت‌صند¹⁾ ونود و پنج در شب شنبه * که بود ساخ مه فوت احد مرسل
 کشید خواجه دنیا و دین عبید الله * شراب صافی عیش ابد ز جام اجل
 20 قرارگاه دلش باد در مدارج قرب * معارج درجات مشاهد کمال
 یقین²⁾ که تا ابد آثار او بخواهد ماند * چو او صحیفه لوح وجود شد زائل

ПЕРЕВОДЪ ³⁾.

«Нѣтъ Бога кромѣ Аллаха; Мухаммедъ — посолъ Божій.

Это есть нива, напоенная рѣками пречистѣйшими, || и садъ, осѣненный покровомъ сіяній пресвятѣйшихъ; да будетъ Богъ милостивъ къ хозяину его (т. е. къ погребенному здѣсь) послѣ || того, какъ онъ почилъ и (всю жизнь свою) искалъ благоволенія Божьяго и утромъ и вечеромъ. И да упокоитъ || духъ его Царь всевѣдущій и (да будетъ удѣломъ его) «отдыхъ и достатокъ и садъ блаженства» ⁴⁾. Онъ (погребенный здѣсь) есть тотъ, кто сдѣлалъ || засѣваемое поле сего міра путемъ для увеличенія жатвы того міра ⁵⁾. И излилъ (Богъ) на него милости свои явныя || и сокровенныя. По-

1) Противъ размѣра (محبت). Слѣдуетъ بهشت‌صند.

2) Это слово не вполне ясно ни на фотографіи, ни на бумажномъ слѣпкѣ, присланномъ изъ Самарканда, но въ правильномъ чтеніи его, кажется, не можетъ быть сомнѣнія, — двѣ точки, стоящія надъ буквою ق, различаются довольно отчетливо. При отсутствіи ихъ, можно было бы читать и بین.

3) В. А. Жуковский, съ обычною любезностію, просмотрѣлъ и исправилъ мой переводъ съ персидскаго, а Н. А. Мѣдниковъ сдѣлалъ тоже по отношенію къ переводу съ арабскаго, за что приношу имъ глубокую благодарность.

4) Коранъ, сура LVII,ss.

5) [Надпись составлена со все́мъ доступнымъ ей автору арабскимъ краснорѣчіемъ и по обыкновенному шаблону такихъ панегирическихъ эпитафій, главная задача которыхъ заключается въ томъ, чтобы какъ нибудь отыскать въ священныхъ текстахъ предсказанія о данномъ героѣ. Гонимая за разными созвучіями и намеками, составитель надписи мѣстами выражается весьма неловко, такъ что уловить истинный смыслъ его рѣчи не всегда легко. — Неуклюжесть выраженія «... кто засѣваемое поле сего міра сдѣлалъ путемъ для увеличенія жатвы того міра» чувствуется въ арабскомъ подлинникѣ почти столь же сильно, какъ и въ русскомъ переводѣ. Происходитъ она отъ того, что составитель надписи не справился со своей задачей: онъ хотѣлъ примѣнить извѣстное арабское изреченіе الدنيا مزرعة الآخرة «міръ сей есть поле засѣваемое для того міра», къ Ходжѣ Ахрару, чтобы выразить ту мысль, что Ходжа въ своей жизни руководился именно этимъ принципомъ. Современниковъ и позднѣйшихъ поклонниковъ Ходжи Ахрара особенно поражало въ немъ то, что, несмотря на большое богатство, онъ продолжалъ обрабатывать землю, доходъ отдавая бѣднымъ, и это ими ставилось ему въ особенную

солъ Божій далъ намъ радостное возвѣщеніе о появленіи его¹⁾ въ «послѣднія времена» изъ этихъ странъ, причемъ онъ уготовить власть || роду Мухаммеда — да будетъ надъ нимъ миръ — до дня созыва (т. е. суднаго), такъ какъ Али передаетъ со словъ его: «выйдетъ мужъ изъ-за || рѣки, которому имя — ал-Харисъ, усердный сѣятель» и такъ далѣе до конца *хадѣса*. Были у него (погребеннаго здѣсь) чудеса явные и подвиги святости || блестящіе. Къ числу ихъ принадлежитъ и то, что современные ему ученые и выдающіеся люди

заслугу. Ср. Сейидъ-Рахимъ, л. 108^b—109^a и *ترجمة رشحات*, стр. 416—417. Я даже подозреваю, что на формулировку разбираемой нами фразы надписи имѣлъ вліяніе приводимый въ обоихъ указанныхъ мѣстахъ стихъ Джаміа въ поэмѣ Юсуфъ и Зулейха, посвященный прославленію Ходжи Ахрара, а именно: *که زاد هزاران مزرعه در زیر کشت است * رفتن راه بهشت است*. — Неловко также связано это предложеніе со слѣдующимъ, въ которомъ подлежащимъ является Аллахъ, какъ явствуетъ изъ связи рѣчи, но что не выражено въ словахъ. В. Р.].

1) [Въ этомъ примѣненіи *хадѣса* о знаменіяхъ «послѣднихъ временъ» къ нашему герою мы имѣемъ хорошій примѣръ тѣхъ ухищреній, къ которымъ прибѣгаютъ составители подобныхъ надписей для того, чтобы отыскать въ священныхъ текстахъ намеки на подлежащее прославленію лицо. *Хадѣсъ*, на который онъ здѣсь намекаетъ, и который онъ затѣмъ и приводитъ какъ переданный со словъ Мухаммеда Алиемъ, находится въ сборникѣ Абу Давуда, который, какъ насъ поучаетъ Goldziher въ *Muhammedanische Studien* II, 127, вообще больше другихъ сборниковъ даетъ такъ сказать «пророческихъ» *хадѣсовъ* о знаменіяхъ послѣднихъ временъ, о Махдіѣ и пр. Гласить этотъ *хадѣсъ* въ названномъ сборникѣ такъ: *قال النبي صلعم يخرج رجل من وراء النهر يقال له الحارث حرثا* *على مقدمته رجل يقال له منصور يوطئ او يمکن لال محمد كما مكنت قریش لرسول الله*, *لكنه نو*, изд. въ 1305 г. г., т. II, стр. 233, глава *باب في ذكر المهدي* (Goldziher, l. c. II, 128 имѣетъ въ виду тотъ же *хадѣсъ*, но называетъ этого мужа «изъ-за рѣки» *Ал-Харис-ибн-Хурасъ*омъ. Булакское изданіе Абу Давуда, которымъ пользовался Goldziher, мнѣ недоступно). Въ *хадѣсѣ* возвѣщается о появленіи «изъ-за рѣки», т. е. изъ Мавераннагра, нѣкоего мужа, ал-Харисъа по имени, которому еще придается эпитетъ *Харрасъ* т. е. сѣятель, воздѣлыватель земли (это интенсивная форма отъ *حارث*). Въ его авангардѣ будетъ другой мужъ, по имени Мансуръ. Онъ (ал-Харис или Мансуръ?) проложитъ дорогу или, по другому варианту, уготовитъ власть роду пророка, какъ (нѣкогда) корейшиты уготовили власть пророку. Всякому мусульманину обязательно помогать ему, или, по варианту, повиноваться ему.—Вотъ этотъ-то *хадѣсъ*, сочиненный безъ всякаго сомнѣнія въ Мавераннагрѣ приблизительно во второй половинѣ 2-го вѣка гижры, и формулированный, какъ всѣ подобныя предсказанія, довольно темно и неопредѣленно, послужилъ составителю надписи матеріаломъ для вѣщаго прославленія Ходжи Ахрара, причемъ онъ поступилъ довольно своеобразно: приводя только начало *хадѣса*, онъ предполагаетъ конецъ его извѣстнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ часть содер-

того времени были приводимы въ изумленіе¹⁾ въ || научныхъ собесѣдованіяхъ съ нимъ, благодаря его превосходству надъ ними въ наукахъ, какъ умозрительныхъ, такъ и опирающихся на преданіе. Далѣе къ нимъ (чудесамъ его) принадлежитъ и то, что || султаны (разныхъ) странъ и хаканы (разныхъ) земель на востокъ и западъ, вдали и вблизи, клали || голову покорности на его священное письмо²⁾ и лобъ свой на порогъ высокой двери его. И умирались || смуты движеніемъ пера его и устранялись бѣды благословеніемъ стопы его³⁾. И при всѣхъ этихъ заслугахъ онъ былъ также въ || высшей степени знатнаго происхожденія и рядъ его шейховъ есть (поистинѣ) «золотая цѣпь»⁴⁾. Со стороны отцовской онъ происходилъ отъ ас-Сиддика⁵⁾ || , а съ материнской стороны отъ Омара, сына ал-Хаттаба, причемъ || еще нѣкоторые изъ его предковъ женскаго пола были изъ Сейидовъ (т. е. потомковъ Алія). И когда его великая душа удалась (изъ тѣла) и распространилась вѣсть о его кончинѣ и полились потокомъ || слезы, то одному изъ «знающихъ» разъяснилось время его смерти изъ слова فیضه (его смерть)⁶⁾ и онъ сказалъ⁷⁾:

жащихся въ немъ предсказаній предпосылаетъ самой цитатѣ и приписываетъ ихъ тоже Мухаммеду. Выборъ сообщаемыхъ предсказаній сдѣланъ вполне цѣлесообразно: пропущено то, что никакъ нельзя привести въ связь съ Ходжей Ахраромъ, именно все относящееся къ Мансуру, авангарду, корейшитами. Самая возможность примѣненія *хадіса* объ ал-Харисѣ къ Ходжѣ Ахрару, котораго имя было Убейдаллахъ, выясняется только этимологическимъ значеніемъ имени ал-Харис. *Ал-Харис* значитъ «сѣятель», «воздѣлыватель земли», *харрâs*—интенсивная форма «много, старательно сѣющий, воздѣлывающій». Тутъ мы опять видимъ, что въ Ходжѣ Ахрарѣ особенно высоко цѣнили именно то, что онъ въ потѣ лица своего воздѣлывалъ землю. В. Р.].

1) Этому приводится много примѣровъ въ *رشحات*.

2) Т. е. безропотно подчинялись его рѣшеніямъ. Можно впрочемъ также перевести: «голову привѣтствія» и толковать фразу такъ, что они въ знакъ почтенія прикладывали его письма къ своему лбу. Оба перевода въ сущности сводятся къ одному и тому-же.

3) Извѣстно, что Ходжа Ахраръ мирилъ потомковъ Тимура и тѣмъ прекращалъ кровопролитія.

4) Т. е. онъ получилъ посвященіе послѣдовательно отъ важнѣйшихъ учителей. Это есть такъ сказать его духовная генеалогія.

5) Абу Бекра.

6) Вся эта фраза состоитъ изъ игры различными значеніями корня *فاض*. Слово *فیضه* даетъ $80 + 10 + 800 + 5 = 895$ г.

7) [Три первыхъ стиха, здѣсь помѣщенные, принадлежатъ Джами, убѣжденному и восторженному поклоннику и приверженцу Ходжи Ахрара. Они находятся въ такъ называемомъ 3-мъ диванѣ поэта; см. *Collections Scientifiques etc.*, vol. III. *Mserts persans*, p. 247. Приводятся они также Сейидъ-Рахимомъ и въ *رشحات*; см. тур. перев., стр. 448. Четвертый стихъ присоединенъ къмъ нибудь другимъ. В. Р.].

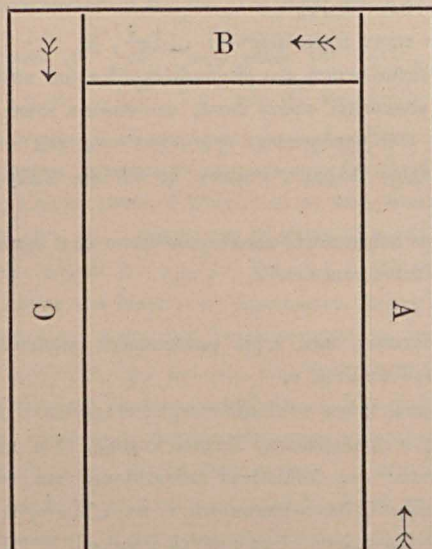
Въ восемьсотъ девяносто пятомъ году, въ ночь субботы, послѣдняго числа того мѣсяца, въ который умеръ Божій посолъ Ахмедъ (Мухаммедъ),
Ходжа міра и вѣры Убейдаллахъ вкусилъ чистаго вина вѣчной жизни изъ кубка предопредѣленія.

Мѣсто упокоенія его души да будетъ на ступеняхъ приближенія къ лѣстницѣ степеней совершеннѣйшаго созерцанія.

Несомнѣнно, что вѣчно останутся слѣды его, такъ какъ онъ отъ предвѣчности сталъ страницей скрижали бытія».

Боковая надпись.

كان تاريخ نزوله الى ظاهر عالم الاكوان في شهر رمضان الذي انزل فيه
القران ونطق عن جلالة قدره الفرقان لما قال انا انزلناه في ليلة القدر الى
آخره والملمون الواقفون على الاسرار يهتدون بآثار هذا المولود المبارك وانوار
هذا المشهود المتبرك الى ان تولده في هذا الشهر وقع في ليلة القدر حيث تنور
B حساب تاريخه منها كالبدر ومن العجائب ان آخر السورة دال على غاية هذه الليلة
C وهو حتى مطلع الفجر تدل حروفه الملفوظة على غاية عمره فدلالة ليلة القدر
على بدايته و اشارة هي حتى مطلع الفجر الى نهايته يشيران الى ان جميع عمره
من اوله الى آخره مثل ليلة القدر شرفا والمتفطن الواقف على حسن هذا الاتفاق
يتيقن على ان بينهما في نفس الامر من الوفاق

ПЕРЕВОДЪ.

«Датою его нисхожденія въ явный міръ существъ былъ (одинъ день) въ мѣсяцѣ Рамаданѣ (томъ самомъ мѣсяцѣ), въ который ниспосланъ былъ Коранъ и о великомъ значеніи котораго говоритъ «Различитель» ¹⁾, когда говоритъ ²⁾: «Мы ниспослали его въ ночь предопредѣленія» и такъ далѣе до конца суры. Люди вдохновенные, понимающіе тайны, въ подвигахъ этого благословеннородшагося и въ сіяніяхъ этого мужа, которымъ благословлялись лицезрѣвшіе его, находятъ указаніе на то, что его рожденіе въ этомъ мѣсяцѣ случилось именно въ «ночь предопредѣленія», такъ какъ изъ нея (т. е. изъ словъ *ليلة القدر*), какъ полная луна блещетъ число даты его (рожденія) ³⁾. И удивительное дѣло, что конечныя слова той-же суры, т. е. слова *هى حتى مطلع الفجر*, указывающія на конецъ этой ночи, если считать только произносимыя ихъ буквы ⁴⁾, указываютъ на конецъ его жизни. А то обстоятельство, что слова *ليلة القدر* указываютъ на начало его жизни и слова *هى حتى مطلع الفجر* (т. е. конечныя слова суры) указываютъ на конецъ ея, даетъ понять, что вся жизнь его, отъ начала ея до конца ея, была по святости подобна ночи предопредѣленія. Смышленный, уразумѣвшій красоту этого совпаденія, убѣдится какое ⁵⁾ согласіе тутъ есть по самому существу дѣла».

1) Другое имя Корана. Мѣсяцъ Рамаданъ названъ въ Коранѣ, *сура II*, 181.

2) Сура XC VII.

3) Слова *ليلة القدر* даютъ число 805, т. е. годъ рожденія Ходжи Ахрара; мѣсяцемъ же его рожденія былъ Рамаданъ, изъ чего «люди вдохновенные и понимающіе тайны» выводятъ заключеніе, что *днемъ* его рожденія было то число Рамадана, къ которому обыкновенно относятъ «ночь предопредѣленія». Тѣ-же мудрецы также нашли, что конечныя слова суры XC VII, т. е. слова *هى حتى مطلع الفجر* даютъ число 895, т. е. годъ смерти его, и изъ этого для нихъ стало совершенно ясно, что вся, протекшая между 805 и 895 годами, жизнь его была столь же священной, столь же многозначительной, какой считается «ночь предопредѣленія». Такимъ образомъ удалось почитателямъ Ходжи Ахрара найти въ самомъ Коранѣ намеки на святаго, на время рожденія и смерти его и на великое его значеніе.

4) Т. е. если выпустить непронизносимый *алифъ* слова *الفجر*, то счетъ буквъ дастъ число 895.

5) [Правильно по арабски слѣдовало-бы сказать *على انّ* вмѣсто *ما على* В. Р.].

Годъ смерти Ходжи Ахрара, какъ явствуется изъ этой надписи, равно какъ и изъ показаній Джами, автора رشحات и изъ цѣлаго ряда хронограммъ у Сейида Ракима — несомнѣнно 895-й. Совершенно непонятно поэтому, какимъ образомъ знаменитый Миръ Али Ширъ въ хронограммѣ, приведенной тоже у Ракима, годъ смерти Ходжи Ахрара опредѣляетъ словами خلد برين, которыя даютъ годъ 896. Хронограмма эта гласитъ такъ:

خواجه ذواچکان عبید الله * مرشد سالکان راه یقین
شد بخلد برین که از فوتش * سال تاریخ کشت خلد برین

т. е.

Ходжа Ходжей Убейдаллахъ, путеводитель идущихъ по пути къ Истинѣ, Ушелъ въ горній рай, когда годомъ смерти его стало (сочетаніе словъ) «горній рай».

Какъ объяснить эту оплошность Миръ Али Шира — я не знаю.

Въ заключеніе мы здѣсь приводимъ надпись на медресѣ Ходжи Ахрара ¹⁾:

بعهد دولت سلطان اعظم * امام الله خاقان بن خاقان
شهنشاه فلک رفعت امامی * که زید بر درش جشید دربان
عمارت یافت این بنیان عالی * که شاید منبرش نه چرخ کردان
نخستین خشت او بر پشت ماهی * بن منجوق او بر ماه تابان
بامر میر عالیجاه عادل * ندریک طغا مقبول اعیان
کسی ندر نشان زینسان امیری * درین نه کنیز فیروزه ایوان
من از بهر حساب سال تاریخ * شدم زی کشور فکرت شتابان
زمن دولت میر جوان بخت * زروح پر فتوح پاک ایشان
حساب سال آغاز عمارت * کرفتم از محل فیض یزدان

Въ царствованіе султана величайшаго,
Имама вѣры (общины), хаkana, сына хаканова,
Царя царей небесновысокаго, имама,
У двери котораго стражемъ приличествуетъ быть Джемшиду,

1) Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ въ распоряженіи снимка съ этой надписи и мы должны довольствоваться копіей, снятой ученымъ туземцемъ.

Построено это высокое зданіе,
 Которому девять вращающихся сферъ годятся въ качествѣ каедръ,
 Первый кирпичъ его (лежитъ) на спинѣ рыбы ¹⁾,
 Конечъ маковки его касается свѣтлаго мѣсяца,—
 По повелѣнію высокостепеннаго, справедливаго эмира
 Надиръ-бека, сына Туги, одобряемаго изъ вельможъ—
 Никто не укажетъ подобнаго эмира
 Подъ этими девятью куполами съ бирюзовыми навѣсами.
 Для исчисленія хронограммы (построенія)
 Я поспѣшно направился въ область размышленія.
 При благословенности державы счастливаго эмира,
 При его чистомъ, полномъ побѣдъ духѣ
 Счетъ года начала постройки
 Я получилъ въ (сочетаніи словъ) «мѣсто (проявленія) милости Божіей».

Хронограмма محل فیض یزدانъ даетъ 1040-й годъ (40+8+30+80+10+800+10+7+4+1+50), который начался 10-го августа 1630 и продолжался до 29-го іюля 1631. Стало быть это медреса построено спустя 145 мусульманскихъ лѣтъ послѣ смерти Ходжи Ахрара, въ ханствоваіе Имамъ-Кули-Мухаммедъ-Бахадуръ-Хана, по почину Диванбеги Надиръ-бека Туги, что съ нѣкоторыми добавочными подробностями изложено также у Сейидъ-Ракима подъ 1040 годомъ ²⁾.

1) По представленію туркестанцевъ земля поддерживается сперва коровою, а затѣмъ рыбою.

2) См. рукопись Аз. Музея, № 574, agd^a, л. 312^b: تاریخ مدرسه ندر دیوان بیکی. Хронограмма приводится тамъ въ слѣдующемъ стихѣ:

اگر خواهی تو تاریخ بنایش * طلب کن از محل فیض یزدان

[Въ Collections Scientifiques etc. III, 136 ошибочно показанъ 1041 г. В. Р.].

Н. Веселовскій.

С.-Петербургъ, апрѣль 1895 г.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССІ.

1887.

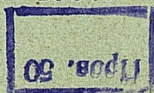
АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1887.

23856

КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ.

В. Наликинъ и М. Наликина. Очеркъ быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы. Казань. 1886.

Въ этой книгѣ представленъ не только бытъ женщины, но и вся жизнь осѣдлыхъ обитателей Средней Азіи. Въ самомъ началѣ авторы знакомятъ насъ съ Ферганой, ея населенными пунктами, устройствомъ и состояніемъ городовъ. Описаніе среднеазиатскаго города превосходно, это, можно сказать, живая фотографія. Если графически изобразить такой городъ, онъ будетъ походить на сѣтъ, сотканную паукомъ. По краямъ города земельные участки обширнѣе, къ центру они становятся мельче. Въ центрѣ почти всегда помѣщается базаръ, самый оживленный пунктъ города. Вотъ какъ онъ описанъ въ Очеркѣ: „На базарѣ улицы значительно шире, чѣмъ въ остальной части города. По сторонамъ ихъ лавки и лавочки обыкновенно очень небольшихъ размѣровъ; у большинства съ наружной стороны маленькіе навѣсы изъ камышевыхъ плетенокъ на тоненькихъ подпоркахъ изъ таловыхъ жердей; здѣсь работаютъ и торгуютъ кузнецы, шорники, сѣдельники, портные, серебрянники и мѣдники; въ перемѣшку съ ними касабы (мясники) и бакалы (мелочные лавочники) продаютъ мясо, дыни, морковь, перецъ, лукъ, масло, рисъ и табакъ. Вотъ лавочка съ книгами; рядомъ съ нею варятъ и продаютъ пельмени и пирожки; дальше выдѣлываютъ шубы; вотъ кудунгаръ толстою карагачевою колушкой отбиваетъ яркій, съ замысловатымъ узоромъ, атласъ; мадда весь въ поту, съ вытаращенными въ экстазѣ глазами, размахивая руками и ударяя себя кулакомъ въ грудь, ходитъ большими шагами взадъ и впередъ и не своимъ голосомъ выкрикиваетъ біографію ка-

кого-то мусульманскаго святого. Далѣе цѣлый рядъ лавокъ съ войлоками, волосяными арканами, шерстяными мѣшками и другими подобными же издѣліями; продавецъ халвы во все горло оретъ: „шакаръ-дакы!“ (какъ сахаръ); съ другой стороны, какъ бы въ отвѣтъ ему несется: „музъ-дакы!“ „шарбаты!“ (шербетъ! холодный какъ ледь!). На углу въ чай-хана нѣсколько хорошо одѣтыхъ сартовъ сидятъ полукругомъ, лицомъ къ базару съ батчей, смазливымъ разряженнымъ мальчикомъ по срединѣ, пьютъ чай и курятъ чилимъ, мѣстный кальянъ съ длиннымъ тростниковымъ чубукомъ. Далѣе длинные, крытые ряды лавокъ съ краснымъ товаромъ — ситцы, кумачи, тики, платки—все по преимуществу самыхъ яркихъ цвѣтовъ; передъ одною изъ лавокъ цѣлая компанія юродивыхъ—дивана въ высокихъ коническихъ изъ краснаго сукна шапкахъ—куля, съ длинными посохами, съ горлянками у пояса вмѣсто нашихъ нищенскихъ сумъ, нестройнымъ пѣніемъ выпрашиваетъ подаянія; лавочникъ старается не смотрѣть на нихъ и затѣваетъ разговоръ съ однимъ изъ проходящихъ мимо его сартовъ. По другой сторонѣ исыркчи, тоже юродивый, снуетъ въ толпѣ, окуриваетъ проходящихъ вонючимъ дымомъ травы—исырка, дабы охранить ихъ отъ приближенія шайтана, и тоже выпрашиваетъ себѣ подаяніе. На лѣво цѣлый рядъ лавокъ съ развѣшанными по стѣнамъ кусками атласа, канауса, ипаркака, адрыса и другихъ шелковыхъ матерій; далѣе сидятъ аттары съ пуговицами, тесемками, лѣкарствами, зеркальцами, косметиками и другою мелочью; нѣсколько лавочекъ съ тубетейками различнѣйшихъ цвѣтовъ и узоровъ“, и т. д. (стр. 4—5). Здѣсь вы не встрѣчаете объясненія многихъ названій, мадда, аттаръ и др., но изъ самаго описанія поймете, что первый — уличный разкащикъ, снискивающий себѣ пропитаніе ремесломъ, какъ можно видѣть, не совсѣмъ легкимъ, а второй — москательникъ и т. д. О городскомъ базарѣ рѣчь идетъ еще разъ на 120—123 стр. книги, а кишлачный прелестно описанъ на 29—31 страницахъ.

Базарная жизнь имѣетъ у мусульманъ очень важное значеніе. „Здѣшній базаръ — это огромный анатомическій театръ, въ которомъ на глазахъ всѣхъ зрячихъ людей искусная рука жизни демонстрируетъ всѣ язвы и недуги мѣстнаго человѣчества“ (стр. 123). Это пожалуй и такъ, но въ слѣдующихъ словахъ мы склонны видѣть уже увлеченіе: „Сколь хорошъ и поучителенъ этотъ базаръ! Въ немъ жизнь или, по крайней мѣрѣ, драма жизни, та живая правдивая драма, которой не увидишь ни на какихъ подмост-

кахъ, ибо на нихъ наука драматическаго искусства не пускаетъ тѣ типы, которые во всей жизненной наготѣ мы видимъ здѣсь" (стр. 122). Къ этому описанію можно прибавить только весьма не ароматный тяжелый воздухъ въ туземныхъ городахъ, происходящій какъ отъ кунжутнаго масла, на которомъ готовится кушанье у большинства обитателей, такъ и отъ не всегда опрятнаго содержанія жилищъ, объ оздоровленіи которыхъ стала заботиться, насколько это возможно, только русская власть. Но куда эта власть еще не проникла, тамъ положительно, даже на базарахъ, поражаешься необычайнымъ зловоніемъ. Въ г. Бухарѣ какъ разъ въ центрѣ города помѣщается кожаненный заводъ, распространяющій вокругъ олурающій смрадъ. Можно бы еще упомянуть о невылазной грязи въ сартовскихъ городахъ, въ дождливое время года, весною и осенью. Особенно грязь эта чрезмѣрна въ Ташкентѣ, гдѣ сама почва не благопріятствуетъ скорому высыханію, а дождей бываетъ такое изобиліе, что у туземцевъ существуетъ поговорка: „жилище дождя въ Ташкентѣ“ (ям-гурлу уй Ташкенда). Улицы не шоссированы, за исключеніемъ, кажется, одного Самарканда, этого лучшаго изъ туркестанскихъ городовъ, попавшаго, надо сказать, въ хорошія руки ¹⁾. Для характеристики среднеазиатскихъ городовъ и селеній можно еще отмѣтить такую особенность: кладбища устраиваются очень часто, если не въ самомъ центральномъ пунктѣ, то все-таки въ мѣстности болѣе или менѣе оживленной, и дѣлается это для того, чтобы мусульманинъ, вставъ отъ сна, прежде всего обратилъ бы свои взоры на кладбище, проникся бы мыслию о бренности всего земного, и эта мысль удержала бы его отъ неблаговидныхъ поступковъ. Что же касается до мечетей, то лучше, когда онѣ выстроены подальше отъ жилья: трудъ, употребленный на ходьбу, увеличиваетъ значеніе молитвы.

Вопросъ о положеніи женщины, то-есть, вопросъ о семейномъ бытѣ въ мусульманскомъ мірѣ, имѣетъ для насъ чрезвычайную важность. Какъ ни велико число мусульманъ, находящихся въ подданствѣ Россіи, оно продолжаетъ увеличиваться постоянно, помимо даже нашего собственнаго желанія, въ силу разныхъ обстоятельствъ, дѣй-

¹⁾ Въ г. Самаркандѣ впервые началось обученіе туземныхъ мальчиковъ русскому языку въ русскомъ училищѣ (вечерніе курсы). Тихо, безъ всякаго шума ведется это полезное дѣло, но тѣмъ плодотворнѣе оказываются и результаты его.

ствующихъ сильнѣ всякихъ человѣческихъ предположеній, и трудно даже предсказать, гдѣ и когда остановится наше движеніе въ Азіи. Чтобы управлять этими народами, не дѣлая ошибокъ, всегда трудно поправимыхъ, намъ необходимо знать, знать до мелочей бытъ мусульманъ, какъ общественный, такъ и семейный. И эта потребность ощущается сильнѣ всего по отношенію къ Средней Азіи, въ которой дѣла предстоитъ очень много, но которую знаемъ мы весьма немного. Семейный бытъ мусульманъ въ основѣ своей повсюду одинаковъ, потому что зиждется онъ на постановленіяхъ корана вполне определенныхъ; но вслѣдствіе разныхъ историческихъ, географическихъ и этнографическихъ условій, а также подъ вліяніемъ сосѣдей или побѣдителей, должны встрѣчаться у различныхъ народовъ свои особенности и частности въ семейной жизни. Но онѣ, эти особенности, ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить признакомъ разрушенія основъ ислама, хотя бы только нѣкоторыхъ изъ нихъ. Семейная жизнь, поддерживаемая древними традиціями и требованіями религіи едва ли можетъ измѣниться въ близкомъ будущемъ, какъ думаютъ авторы книги, заглавіе которой приведено выше. Они утверждаютъ, что теперь житейская роль многихъ сторонъ ислама въ средѣ мѣстнаго населенія (Ферганы, надо полагать) рушится „на нашихъ глазахъ“, и не замѣчать этого могутъ только очень близорукіе (стр. 18—19). Одной изъ причинъ этого разрушенія оказывается уничтоженіе нашею администраціею должности раиса. „На обязанности раиса лежало главнымъ образомъ наблюденіе за правильностью вѣсовъ и другихъ мѣръ, за соблюденіемъ жителями даннаго города постовъ, ежедневныхъ моленій — намазъ (ихъ 5) и правилъ мусульманской нравственности, а также и палочная расправа на мѣстѣ преступленія надъ провинившимися. Вотъ тотъ краеугольный камень, на которомъ въ теченіи вѣковъ держалось зданіе наружной нравственности и чистоты нравовъ и наружнаго же уваженія къ основамъ религіи. Стоило только выдернуть этотъ камень, упразднить раиса, и часть зданія сама собою стала рушиться. На базарахъ во-очію стали обмѣривать и обвѣшивать; куски стали дѣлаться все короче и короче, а пьянство, проституція и индифферентныя отношенія къ обрядамъ религіи все шире и шире“ (стр. 36—37). Мысль эта настойчиво проводится въ книгѣ и дальше: „Разъ только волшебная палка упразднилась — упразднилось и самое волшебство; въ общественномъ мнѣніи стало проявляться нѣчто въ родѣ разногласія, разногласія нѣмого, никѣмъ въ сущности не высказываемаго, но тѣмъ не менѣе вполне реально существующаго, ибо на сколько

мало говорилось обо всемъ этомъ въ средѣ народа, на столько же много стало дѣлаться имъ самимъ такого, о чемъ прежде онъ и думать не смѣлъ. Благочестіе поколебалось; въ первое время этихъ колебаній, амплитуды ихъ возростали въ громадной степени, а затѣмъ мало по малу установились сами собою и въ настоящее время представляются уже движеніемъ болѣе или менѣе равномернымъ" (стр. 149). Хорошо, еслибы такъ: съ государственной точки зрѣнія чѣмъ менѣе преданы будутъ своей религіи мусульмане, наши подданные, чѣмъ менѣе будутъ они фанатичны, тѣмъ лучше. Но думаемъ, что радоваться еще рано, вѣдь нравственность-то поддерживалась только наружная (въ чемъ мы вполне согласны съ авторами „Очерка“) и уваженіе къ основамъ религіи было тоже будто бы наружное (въ чемъ мы съ ними совсѣмъ ужъ не согласны). Мы охотно принимаемъ упрекъ въ близорукости, потому что во время поѣздокъ по Туркестанскому краю не видѣли серьезныхъ признаковъ ослабленія ислама. Единичный случай, что кары, лицо отчасти духовное, открылъ въ одномъ городѣ публичный домъ (стр. 239), значить еще не очень много.

Къ тому же вліяніе наше началось еще такъ недавно, да при головномъ почти незнаніи мѣстныхъ языковъ не можетъ оно и быть очень значительнымъ. Съ другой стороны, ужъ будто упраздненіе раисовъ имѣло такія великія послѣдствія, какъ говорятъ авторы. Во-первыхъ, самое учрежденіе этой должности показываетъ, что обмѣриваніе, обвѣшиваніе, безнравственность проявлялись и раньше, но исламъ отъ того не ослабѣлъ. Мы прямо называемъ вездѣ „исламъ“, чего авторы книги не дѣлаютъ, обходя весьма осторожно, но совершенно напрасно, это слово. Въ другихъ мѣстахъ края, въ Самаркандѣ, напримѣръ, упраздненіе должности раиса не имѣло тѣхъ послѣдствій, какія обнаружились будто бы въ Ферганѣ. Ниже мы укажемъ, почему у авторовъ книги выработался такой взглядъ на разрушеніе нѣкоторыхъ основъ ислама, здѣсь же, по этому случаю замѣтимъ только, что въ той же Ферганѣ намъ лично приходилось наблюдать нѣчто и другое. Такъ, по поводу открытія въ Ташкентѣ школы для обученія туземныхъ мальчиковъ русскому языку, ферганцы откровенно высказывали свои опасенія и подозрѣнія, какъ бы въ этой школѣ не стали обучать русской религіи, потому что у мусульманъ обучать грамотѣ, значить наставлять въ религіи. „Да еслибы учениковъ и не стали знакомить съ русскою религіей“, говорили они намъ,—все-таки сердце ихъ ослабнетъ (дил-и-у мулоимъ мишевадъ)

и они оставляют исламъ или сдѣлаются плохими мусульманами¹. И разсуждали такъ не муллы, а люди изъ простаго народа.

А между тѣмъ въ Средней Азіи намъ легче, тѣмъ гдѣ-либо проводить разныя мѣры. Туркестанцы—это не то, что избалованные нами татары, съ которыми никакого сладу нѣтъ: въ Азіи уважаютъ силу¹), преклоняются предъ ней, а русская сила для нихъ весьма очевидна, уроки, данные туземному населенію въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ, будутъ памяты на долго. Вотъ примѣръ: въ Коканѣ, на мѣстѣ намазга, изъ мечети устроены казармы, и жители примирились съ этимъ посягательствомъ на религію. Мѣра, конечно, не желательная по отношенію къ нашимъ подданнымъ, но она показываетъ, что можно тамъ сдѣлать съ умѣньемъ и настойчивостью нашихъ администраторовъ. Не наружность важна, важенъ духъ ислама. А онъ развѣ измѣняется? Развѣ шаріатъ, предусмотрѣвшій всѣ мелочи жизни мусульманина, сталъ уже терять свою силу? Едва ли. Нарушенія, или лучше сказать, обходъ постановленій ислама былъ всегда и вездѣ. Иногда обходъ совершается безъ всякихъ разсужденій, а случается, что прибѣгаютъ и къ толкованію, иногда наивному, иногда казунистическому²). Пить виноградное вино нельзя, Мухаммедъ запретилъ это строго и въ точныхъ выраженіяхъ, но онъ ничего не сказалъ про хлѣбную водку (хотя огуломъ запрещено все, что подвергалось броженію); а если прямого запрещенія нѣтъ, то пить пожалуй можно, и благочестивый мусульманинъ съ спокойною совѣстью выпьетъ русской водки. Но если человѣку захотѣлось попробовать и вина, онъ всегда найдетъ для себя оправданіе: пью же я водку, скажетъ онъ, отчего

¹) Вспомнимъ, какъ расправлялись тамъ побѣдители. За малѣйшее сопротивленіе вырѣзывали они чуть не поголовно все мужское населеніе городовъ и селеній, дѣлая исключеніе только для ремесленниковъ и мастеровъ, отчего обширныя государства приходили въ запустѣніе. Или же виновные наказывались выселеніемъ въ другія мѣста. При такихъ условіяхъ оставалось одно — подчиниться силѣ.

²) Въ Ташкентѣ намъ разказывали про одного кази (судью), человѣка весьма свѣдущаго, но большого взяточника, такого рода фактъ: такъ какъ теперь судьи выборные срокомъ на 3 года, то избиратели обратились къ этому судѣ съ заявленіемъ, что выберутъ его вновь въ судьи въ томъ только случаѣ, если онъ перестанетъ брать взятки и поклянется въ томъ на коранѣ. Судья принялъ присягу, и его выбрали; но взяточничество у него усилилось еще больше прежняго. Когда ему стали выговаривать и намекали на клятву, судья пренаивно отвѣтилъ, что онъ самъ теперь взятки и не беретъ, а ему прямо кладутъ въ карманъ.

же не пить и вино, которое гораздо слабѣе и не такъ вредно, а вѣдь Богъ милосердѣ. Самъ Тимуръ праздновалъ попойками свои побѣды. А между тѣмъ никто изъ среднеазіатскихъ хановъ, кромѣ развѣ Улугъ-бека, не выразилъ такъ наглядно своей ревности къ исламу возведеніемъ грандіозныхъ мечетей, какъ Тимуръ; а Бабуръ откровенно сознавался въ своей слабости выпить, какъ говорится это и въ „Очеркѣ“. Да и при послѣднихъ ханахъ, то-есть, при существованіи раисовъ, пьянство процвѣтало въ Ферганѣ, какъ изложилъ г. Наливкинъ въ своей исторіи Коканскаго ханства; а какой разгулъ и какая распущенность нравовъ отличали Бухару въ концѣ прошлаго столѣтія, знаемъ мы изъ другихъ источниковъ, и все-таки Бухара осталась для Средней Азіи „опорой“ ислама. Курить табакъ тоже запрещено, а курятъ всѣ, если же кто изъ благочестія (муллы нѣкоторые) не курятъ, то они употребляютъ другіе наркотики, еще повреднѣе табаку — опіумъ (опіумъ), напримѣръ. Такъ сильны человѣческія слабости. Ростовщичество осуждается же религіею весьма строго, но оно существовало всегда и вездѣ въ мусульманскихъ государствахъ, и впредь существовать будетъ. Нѣтъ, поколебать исламъ не такъ-то легко; но физической силѣ и онъ уступаетъ. Шаріатъ не знаетъ статистики въ нашемъ смыслѣ, и производитъ счетъ населенію—шаріатомъ не полагается, а когда мы начали примѣнять статистику для обложенія податями, туземцы покорились совершенно, хотя и стараются плутовать всѣми способами, но не изъ за нарушенія ихъ уставовъ, а потому только, что тутъ задѣта денежная сторона⁴⁾. Нарушеніе поста въ тихомолку, мы увѣрены, было у мусульманъ всегда и вездѣ, потому что постъ ихъ и слишкомъ тяжелъ, и довольно бессмысленъ. Далѣе, авторы рѣшительно отвергаютъ фанатизмъ у среднеазіатскихъ мусульманъ (стр. 150 — 151). Съ этимъ мы тоже не можемъ вполне согласиться. Исламъ по существу такая религія, что легко возбуждаетъ фанатизмъ у своихъ послѣдователей, особенно противъ „невѣрныхъ“, нуженъ только случай. Можетъ быть никакого „случая“ въ Западномъ Туркестанѣ не представится, и фанатизмъ населенія ничѣмъ не проявится; но и обольщаться слишкомъ тоже не слѣдуетъ. Вспомнимъ исторію Восточнаго Туркестана въ нынѣшнемъ столѣтіи. Подъ управленіемъ китайцевъ страна эта вполне процвѣтала, потому что

⁴⁾ Шаріатъ не допускаетъ птичьихъ боевъ, а между тѣмъ забава эта очень распространена въ Средней Азіи, и распространеніе ея замѣчается уже въ очень отдаленныя времена.

китайцы заботились тамъ не о матеріальныхъ выгодахъ и большими налогами народъ не облагали; но какъ только явится туда ходжа изъ Ферганы, сейчасъ происходитъ возстаніе. И никакими мѣрами, никакими жестокостями, даже обычными аллеями изъ череповъ бунтовщиковъ не могли эти невѣрные образумить своихъ подданныхъ: туркестанцы жертвовали всѣмъ, чтобы посадить у себя ходжей потому только, что ходжи потомки Мухаммеда, а китайцы—кафиры. Во время путешествія по туркестанскому краю мнѣ ни разу не приходилось замѣчать въ народѣ проявленіе фанатизма, но я не скажу, чтобы фанатизмъ этотъ ужь и не могъ быть возбужденъ ловкими проходимцами. Мы можемъ не бояться его вспышекъ только потому, что оружіе у туземцевъ отобрано, а съ палкой противъ ружья не пойдешь. Нельзя не указать на одну весьма крупную черту въ характерѣ туземцевъ, на ихъ необыкновенное легковѣріе. Нѣтъ такой очевидной нелѣпости, которой не повѣрилъ бы нашъ сартъ и, мало того, что повѣритъ, онъ явится еще усерднымъ распространителемъ ея съ прибавленіемъ собственныхъ прикрасъ. Исключенія крайне рѣдки. А этимъ легковѣріемъ всегда могутъ воспользоваться ловкіе люди для своихъ цѣлей. Базаръ является мѣстомъ, гдѣ фабрикуются всякіе слухи и раздуваются до грандіозныхъ размѣровъ, слухи же очень часто вліяли на политическую исторію Средней Азіи.

Въ этой книгѣ мы находимъ подробное описаніе занятій осѣдлыхъ жителей Ферганы. Самое главное, конечно, земледѣліе. Обработка земли въ Ферганѣ производится или наемными рабочими (чайрикерами и керанда), или помощью (ашартъ). Промыслы и ремесла развиты слабо. Авторы, по видимому, не довольны тѣмъ, что преимущественнымъ занятіемъ осѣдлаго туземца въ Ферганѣ до сихъ поръ было земледѣліе, они желали бы большаго развитія тамъ широкой и достаточно доходной индустріи (стр. 17). Къ чему? Для того, чтобы „вліять на прогрессивную сторону туземной жизни“? для того, чтобы развить степень „жизненныхъ потребностей туземца“, для удовлетворенія которыхъ у большинства не будетъ средствъ? Отсутствие нищеты, независимость положенія можно приобрести только земледѣліемъ. У насъ привыкли ожидать въ будущемъ какихъ-то великихъ благъ отъ Средней Азіи, которую будто бы мы оживимъ, вызовемъ на свѣтъ ея скрытыя богатства, вернемъ прежнее ея благосостояніе, Великое заблужденіе. Средняя Азія никогда не будетъ Эльдорадо. и за наши увлеченія мы не мало уже платились разными непроизводительными затратами, да нѣтъ никакихъ гарантій въ томъ, что не

будемъ платиться также и впредь. Мы можемъ нѣсколько увеличить площадь культурной земли, но и то далеко не вездѣ. Лучшая и богатѣйшая часть нашихъ владѣній—Зеравшанская долина даетъ уже все, что можетъ она дать; всякое увеличеніе существующихъ полей путемъ новыхъ арыковъ въ нашей половинѣ, поведетъ къ уменьшенію пахотной земли на соответствующее же количество въ нижней—Бухарской, и наоборотъ. Вопросъ этотъ, однако, слишкомъ важенъ для того, чтобы обсуждать его мимоходомъ ¹⁾. Но, возвращаясь къ „потребностямъ“, замѣтимъ, что съ развитіемъ ихъ люди не будутъ довольны и счастливѣе, а голодать въ полномъ смыслѣ слова, чего еще слава Богу нѣтъ, быть можетъ, придется очень часто и очень многимъ.

Подробно описана торговля со всѣми мѣстными особенностями, установленными шаріатомъ съ удивительною тонкостью. Кромѣ крупныхъ, сравнительно, торговцевъ, существуетъ масса мелкихъ торговцевъ. Надо замѣтить, что сдѣлаться торговцемъ (савдагеромъ) завѣтная мечта всѣхъ бѣдняковъ-тружениковъ сартовъ. Все заманчиво въ этомъ занятіи: почетъ, матеріальная выгода, а главное—спокойное сидѣніе въ лавочкѣ, что такъ подходитъ къ характеру туземцевъ. Шаріатомъ рекомендуется торгующимся приглашеніе двухъ свидѣтелей. Въ Средней Азіи это постановленіе приняло нѣсколько утрированную форму, явилась даже профессія далаяльчиликъ (маклерство): „На любомъ, въ особенности же конномъ или бараньемъ, базарѣ вы всегда встрѣтите нѣсколько сартовъ подозрительнаго вида, съ хищнымъ и въ то же время несомнѣнно голоднымъ выраженіемъ лица. Снуя въ толпѣ, они высматриваютъ, не затѣвается ли гдѣ-нибудь торгъ, вырастаютъ какъ изъ земли, не вмѣшиваются, а буквально врываются между торгующимися, уговариваютъ ихъ придти къ соглашенію, которое для нихъ маклеровъ, во всякомъ случаѣ не только выгодно, но и необходимо, дабы имѣть возможность получить шерикана ²⁾, подѣ часъ даже и выругаютъ, если торгъ слишкомъ затягивается, соединяютъ руки торгующихся воедино, произносятъ традиціонные вопросы: „продали ли“? и „купили ли“? ³⁾, съ нѣсколь-

¹⁾ Главныя надежды возлагаются у насъ на хлопковое производство; но и съ хлопкомъ что-то не везетъ.

²⁾ Размѣры шерикана отъ одной чака ($\frac{1}{3}$ копѣйки) до нѣсколькихъ десятковъ рублей (стр. 37).

³⁾ Торговая сдѣлка считается состоявшеюся послѣ того, какъ свидѣтели на

надменнымъ видомъ получаютъ три — четыре чеки гонорара и затѣмъ переходятъ далѣе, къ другому теленку или къ другой кобылѣ“ (стр. 37). Человѣка незнакомаго съ тонкостями торговли поражаютъ многія странности. Если покупатель находитъ, что продавецъ запрашиваетъ дорого, то можетъ пригласить торговаго аксакала, который долженъ по совѣсти оцѣнить товаръ, или пригласить для той же цѣли четырехъ торговцевъ тѣмъ же товаромъ, и послѣ оцѣнки ихъ торговаться уже болѣе нельзя. Мнѣ самому, помимо моего желанія, устроили разъ въ Коканѣ продажу одной рукописи. Букинисты приняли въ расчетъ стоимость бумаги и переплета, плату переписчику, накинули рубль прибыли и такимъ способомъ оцѣнили книгу. Торговецъ сейчасъ же согласился уступить ее за назначенную цѣну, и когда я отказался взять рукопись, заявивъ, что вслѣдствіе такого принужденія не согласенъ на покупку, онъ сталъ упрашивать меня такъ усердно и съ такимъ видомъ, точно ему угрожала тюрьма вслѣдствіе моего отказа. Въ Бухарѣ ничего нельзя продать прежде осмотра товара зекатчѣмъ эмира. Если вещь нужна эмиру, она оцѣнивается торговымъ аксакаломъ или самимъ зекатчѣмъ. При заключеніи долговыхъ обязательствъ долговая росписка находится въ рукахъ должника, какъ обезпеченіе въ томъ, что съ него не будетъ взыскано больше того, что онъ долженъ въ дѣйствительности (стр. 39).

Въ главѣ о религіи и духовенствѣ говорится о положеніи ислама и мусульманскаго духовенства въ Ферганѣ, но это положеніе имѣетъ одинаковое развитіе и во всемъ Туркестанѣ: причтъ мечетей (муллы и азанчи), судебный институтъ (казы, агламы, муфти), учителя низшей школы, преподаватели права и богословія. У мусульманина по отношенію къ сыну существуютъ три обязанности: научить мусульманской вѣрѣ, произвести обрѣзаніе ¹⁾, обучить грамотѣ. Не смотря на эту послѣднюю обязанность, неграмотныхъ очень много, особенно въ Кишлакахъ. Прежде райсы слѣдили за тѣмъ, чтобы родители отдавали дѣтей въ мектебы, но было достаточно помѣстить сына въ училище только на 7 дней, чтобы исполнить требованіе религіи и избѣжать отвѣтственности. Какое вознагражденіе получаютъ муллы за обученіе

вопросы: „продали ли вы“, „купили ли вы“? получаютъ утвердительный отвѣтъ въ прошедшемъ времени.

¹⁾ И за обрѣзаніемъ прежде наблюдали райсы. Если до 15 лѣтняго возраста у сына не сдѣлано обрѣзанія, то отецъ, по докладу о томъ хану, могъ быть подвергнутъ смертной казни черезъ повѣшеніе.

мальчика, указано въ „Очеркѣ“ (на стр. 57—58); но кромѣ перечисленнаго, есть у нихъ еще статья дохода, по случаю обряда обрѣзанія ученика, если обрядъ этотъ не былъ совершенъ заблаговременно. Передъ обрѣзаніемъ мальчика, съ привязаннымъ къ рукамъ калямданомъ (пеналь), товарищи-сверстники съ пѣніемъ водятъ по улицамъ и по базару, а прохожіе бросаютъ въ калямданъ деньги, которыя по мѣрѣ накопленія высыпаются и цѣликомъ поступаютъ въ пользу муллы ¹⁾. Затѣмъ товарищи прячутъ мальчика отъ родителей, которые должны дать имъ за него выкупъ, смотря по состоянію, и этотъ выкупъ поступаетъ также въ карманъ муллы.

Относительно обученія и курса проходимыхъ наукъ самыя подробныя свѣдѣнія сообщилъ намъ Ханыковъ въ своемъ описаніи Бухарскаго ханства (1843), и почти въ такомъ же видѣ передаютъ о томъ и авторы „Очерка“. Замѣтимъ, что учитель вступаетъ въ духовное родство съ ученикомъ ²⁾. Это особенно ярко отражается на *отунъ* (или атунъ), обучающей дѣвочекъ на дому.

Въ „Очеркѣ“ не сказано, что она можетъ обучать и мальчиковъ, но это бываетъ, и въ такомъ случаѣ ученикъ не можетъ жениться на своей атунъ. Еслибы жена стала учить грамотѣ неграмотнаго мужа своего, съ этого времени она, по шаріату, не можетъ уже быть ему женой.

Ишаны, имѣвшіе нѣкогда большое значеніе не только въ дѣлѣ религіи, но даже въ управленіи государствомъ, нынѣ потеряли свое значеніе, какъ заявляется въ „Очеркѣ“. Намъ самимъ не разъ приходилось слышать отъ туземцевъ самыя нелестныя отзывы объ ишанахъ, что они будто бы хуже разбойниковъ: „Прежде разбойникъ, грабя на дорогѣ, дѣлился своею добычею съ бѣднякомъ, а ишанъ готовъ съ неимущаго стянуть послѣднюю рубаху, и ужъ ни съ кѣмъ не подѣлится своимъ избыткомъ. Въ мечети во время моленія показываетъ великое усердіе, а самъ высматриваетъ нельзя ли свои старыя калоши обмѣнять на новыя“.

Въ слѣдующей главѣ описывается жилище и утварь. Типъ построекъ одинъ и тотъ же, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ. У пер-

¹⁾ Люди бездѣтныя даютъ деньги въ калямданъ очень охотно, чтобы у нихъ родился мальчикъ. Это называется *иримъ*. И дающій обыкновенно провозглашаетъ: „вотъ я бросаю иримъ, пусть у меня родится сынъ!“ Народъ отвѣчаетъ: *худо бирсенъ сизга, Аллахъ анбаръ*, „да подастъ вамъ Господь, Онъ великъ“!

²⁾ За наставниковъ грамотѣ или ремеслу молятся, какъ за отца и за мать.

выхъ помѣщенія просторнѣе и отдѣланы лучше, чѣмъ у послѣднихъ. Относительно построекъ надо замѣтить, что въ „Очеркѣ“ пропущенъ одинъ родъ ихъ, такъ называемыя кареасныя или легкія постройки. Употребляются ли онѣ въ Ферганѣ, не могу сказать положительно, потому что былъ тамъ въ зимнее время. Производится эта постройка такимъ образомъ: на небольшихъ устояхъ возводится изъ деревянныхъ жердей или тонкихъ балоковъ клѣтка, сообразно съ размѣрами, какіе намѣрены дать комнатѣ, при чемъ рѣшетка не имѣетъ правильно возведеннаго переплета, а зависитъ отъ величины жердей. Пустое пространство закладывается комками изъ густаго глинянаго тѣста (гуаля) и потомъ оштукатуривается какъ внутри, такъ и снаружи—и жилье готово. Вмѣсто стеколъ употребляется промасленная бумага, иногда коленкоръ, а чаще оконная рама такъ и остается сквозною. Стекло же прививается очень туго, при этомъ не стекла пригоняются къ переплету, а на оборотъ—переплетъ къ стекламъ. Такія рамы находятся, между прочимъ, въ посольскомъ домѣ въ Бухарѣ.

Переходимъ къ самой интересной части книги. Мы знаемъ, что положеніе женщины на мусульманскомъ востокѣ и печально, и безотрадн¹⁾. Тамъ все для мужчины и ничего, или весьма немного для женщины. И такой порядокъ установленъ и освященъ религіей, исламомъ, который къ женщинамъ очень суровъ. Пророкъ позаботился только обезпечить ихъ нѣсколько съ матеріальной стороны, указалъ, въ какихъ случаяхъ и сколько она должна наслѣдовать своему мужу. Пророкъ изрекъ: 1) „Мужья стоять выше женъ потому, что Богъ далъ первымъ преимущество надъ вторыми и потому, что они изъ своихъ имуществъ дѣлаютъ траты на нихъ“. 2) „Мужчины выше ихъ (женщинъ) степенью своего достоинства“. Женщина однако равняется половинѣ мужчины: для засвидѣтельствованія требуются двое мужчинъ, но если двухъ не будетъ, то можно удовольствоваться однимъ мужчиною и двумя женщинами. Самъ Мухаммедъ опредѣлилъ семейныя отношенія своихъ послѣдователей словами: „Вы не можете одинаково быть расположенными къ женамъ своимъ, хотя бы этого и желали вы; потому и не привязывайтесь къ нимъ всею привязанностью“. Это не подруга жизни, до этого исламъ не доросъ, а самка или раба

¹⁾ Первую, если не ошибаемся, попытку изобразить жизнь и положеніе женщины въ Средней Азіи видимъ мы въ статьѣ *Прогорыча* „Самаркандъ“ (въ „Вестѣ“ 1872 г. № 4, 5, 7, 8), но автору приходилось довольствоваться распросами, а личныя его наблюденія были весьма ограничены.

существующая для прихоти мужчины. Исламъ не только потворствуетъ чувственности, но и поощряетъ ее, обѣщая удовлетвореніе ей даже за гробомъ. До замужества женщина находится во власти родителей, которые могутъ выдать ее или продать замужъ за кого угодно, по выходѣ замужъ—она раба своего мужа. Свободу даетъ ей или разводъ, или вдовство. Но очень часто она не знаетъ, что ей дѣлать съ этою свободой—такъ неблагопріятно для нея сложилась жизнь мусульманъ, и рада снова выйти замужъ и снова попасть въ кабалу. Что же осталось женщинъ? Ей осталось развлекать себя сплетнями, прикрывать свои поступки ложью, скрытностью, тѣшиться нарядами, если есть къ тому возможность, искать удовлетворенія своимъ сердечнымъ влеченіямъ на сторонѣ. Такъ не высокъ нравственный уровень женщины, оттого и нарушение супружеской вѣрности дѣло обычное въ Средней Азіи. Только любовь къ дѣтямъ, но и то своеобразная, развита у туземныхъ женщинъ осѣдлаго населенія. Но чего не бываетъ на свѣтѣ? Случается, что и мужъ попадаетъ въ руки жены и терпитъ отъ нея побои. (Примѣры на стр. 158—159).

Гораздо большимъ значеніемъ, уваженіемъ и даже свободою пользуются женщины у кочевниковъ, чѣмъ у осѣдлыхъ. У монголовъ ханши назначались регентшами и управляли государствомъ. Про все это мы слышали, наблюдали, на сколько можно наблюдать подобныя явленія издали; но домашней во всѣхъ мелочахъ жизни въ Средней Азіи мы не знали. Проникнуть на женскую половину, въ гаремъ, вступать въ сношенія съ женщинами можетъ только женщина. Но для этого, кромѣ желанія и способности наблюдать, нужно еще знаніе мѣстныхъ языковъ, и вотъ мы ждали такого описанія двадцать лѣтъ, пока не взялась за это дѣло г-жа Наливкина. Теперь многому мы можемъ научиться, многое узнать, чего не знали раньше или о чемъ только догадывались. Здѣсь представлена вся жизнь женщины осѣдлаго населенія, отъ колыбели до могилы, въ слѣдующихъ главахъ: а) наружность женщины и ея одежда; б) занятія и пища; в) характеръ женщины, ея привычки, занятія и поведеніе въ отношеніи окружающихъ; г) беременность и роды, дѣвичій возрастъ; д) дѣвушка, сватовство и бракъ; е) многоженство, разводъ, вдовство и смерть женщины; ж) проституція.

Глава, описывающая наружность женщины, должна представлять особенный интересъ, потому что мусульманки у осѣдлыхъ обязаны закрывать свои лица отъ всѣхъ постороннихъ мужчинъ, и только случайно какъ-нибудь можно видѣть женщину безъ покрывала; а тѣ,

которыя сняли эту занавѣску, по извѣстнымъ причинамъ не могутъ дать полнаго понятія о наружности женщинъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ понятіями о красотѣ туземцевъ, общими съ нѣкоторыми персидскими (напримѣръ, халь—родимое пятнышко), общими оказываются и притиранья разнаго рода, но костюмъ здѣшнихъ женщинъ много разнится отъ костюма персіянокъ. Наряды играютъ важную роль въ жизни женщинъ вообще, но едва ли гдѣ они доходятъ до того значенія, по своимъ послѣдствіямъ, конечно, какъ въ Средней Азіи. Отвратительныя семейныя сцены, ведущія нерѣдко къ разводу, происходятъ у туземныхъ женщинъ въ тѣхъ случаяхъ, если мужъ не сдѣлалъ женѣ къ празднику (Рамазану и Курбану) обязательныхъ подарковъ или подарилъ вещи малой стоимости. Подобныя сцены живо и картинно описаны въ „Очеркѣ“ (стр. 99—101). Значить и тутъ установились извѣстныя требованія, нарушать которыя не всегда безопасно. При перечисленіи украшеній, употребляемыхъ женщинами Ферганы, авторы замѣчаютъ, что ношеніе въ носу небольшой серьги въ Ферганѣ не принято (стр. 107). Мы не можемъ согласиться съ такимъ категорическимъ заявленіемъ, потому что въ Ферганѣ-то именно (въ кишлакѣ Ашту) намъ впервые удалось увидать у двухъ дѣвочекъ мусульманокъ серьги въ носу.

При описаніи тѣхъ или другихъ особенностей въ бытѣ мусульманъ, авторы весьма часто приводятъ постановленія корана, на которыхъ основываются эти особенности, оттого описаніе пріобрѣтаетъ особенный смыслъ. Вы видите, что тутъ нѣтъ ни личной прихоти народа, нѣтъ ничего случайнаго, а все вытекаетъ прямо изъ требованій религіи.

Въ слѣдующей главѣ мы знакомимся съ занятіями и пищею жителей. „Сарты и сартянки искони привыкли жить и умирать тамъ, гдѣ они родились“—читаемъ на стр. 109. Дѣйствительно, скитаясь ради промысловъ въ разныхъ мѣстахъ Средней Азіи, подъ старость сартъ возвращается умирать домой. „Въ домашнемъ быту сартовская женщина является хозяйкой и работницей лишь по столу, по скольку это вяжется съ основными, касающимися ея положеніями религіи, признающими мужа главою семьи и предлагающими ей, женщинѣ, избѣгать взгляда постороннихъ людей. Мужъ долженъ добыть деньги или продукты; жена обязана приготовить изъ нихъ пищу и одежду“ (стр. 109). Положеніе незавидное, но оно еще болѣе можетъ ухудшиться, когда вслѣдствіе вдовства на нее ляжетъ бремя и добыванія средствъ къ жизни; а добываніе это не изъ легкихъ. Пряжа, очистка

ваты и другія подходящія работы не даютъ даже и рубля въ недѣлю. Болѣе, сравнительно, доставляетъ прибыли разведеніе шелководныхъ червей. Какъ перебивается бѣдный народъ, можемъ видѣть изъ нѣсколькихъ примѣровъ въ „Очеркѣ“ (стр. 113—118).

Чѣмъ питается народъ, какая у него кухня, изложено на стр. 124—132. Въ Ферганѣ существуетъ интересный обычай у женщинъ собираться на сумалыкъ (кушанье въ родѣ жидкаго киселя, приготовляемаго изъ солода), при чемъ онѣ не прячутся отъ пришедшихъ на сумалыкъ постороннихъ мужчинъ (стр. 125—126).

Въ „Очеркѣ“ говорится, что это бываетъ весною. О существованіи подобнаго же обычая намъ пришлось слышать въ мѣстности сосѣдней съ Ферганой, въ верхней долинѣ Зеравшана; но тамъ онъ исполняется нѣсколько иначе: дней за 10 до новаго года сѣютъ пшеницу въ плетеную корзинку и въ самый новый годъ собираютъ всходы, растираютъ и варятъ вмѣстѣ съ мукой. Этимъ киселемъ сосѣди и обмѣниваются между собою. Обычай, очевидно, не мусульманскій и очень удобный для высматриванія невѣсть и для разныхъ иныхъ цѣлей. Существуетъ ли онъ и въ другихъ мѣстахъ у осѣдлыхъ жителей, мнѣ неизвѣстно.

Семейная жизнь не можетъ вполне удовлетворить мусульманина, оттого въ мусульманскихъ странахъ сильно развита жизнь улицы, жизнь внѣ дома. Все, что находитъ туземецъ у себя дома, всѣ прелести семейнаго очага представлены въ „Очеркѣ“ очень живо, и не удивительно, что мусульманина не тянетъ къ семьѣ. Родственные связи очень слабы у мусульманъ вообще, искренняго чувства мало, ихъ замѣняетъ формальность отношеній. Вотъ, быть можетъ, почему на востокѣ ханы съ легкимъ сердцемъ истребляли своихъ братьевъ, дядей, племянниковъ, даже сыновей. Неудовлетворенность семейной жизни и отсутствіе женскаго элемента въ мусульманскомъ обществѣ, способствовали укрѣпленію въ Средней Азіи безобразнѣйшаго явленія Востока — института бачей. Многоженство не повело къ поднятію нравственности и среди женатыхъ мужчинъ. Напротивъ, стремленіе искать развлеченій на сторонѣ или содержаніе бачей сдѣлалось обычнымъ явленіемъ у туземцевъ. Главный и открытый разгулъ бываетъ во время саилей (весеннія загородныя гулянья) и, какъ ни странно это, во время поста (въ мѣсяцѣ рамазанѣ).

Глава подъ названіемъ „женщина, ея характеръ, привычки, занятія и поведеніе въ отношеніи окружающихъ“ едва ли не лучшая въ книгѣ.

Тутъ мы знакомимся съ домашнею жизнью женщины, съ ея характеромъ, манерами, съ правилами и обычаями вѣжливости. Узнаемъ, чѣмъ довольствуется женщина, чего она домогается, какъ разнообразить она свою обыденную жизнь, чѣмъ развлекается, чѣмъ огорчается. Словомъ, узнаемъ все ея міровоззрѣніе и ея суевѣрія, въ числѣ которыхъ вѣра въ разные заговоры и цурной глазъ является едва ли не господствующею. Дѣтей прячутъ отъ сглазу, надѣваютъ на нихъ предохранительные амулеты, чаще всего перья совы (бумъ). Сглазъ дѣйствуетъ не только на людей, но и на предметы неодушевленные. Поѣлъ сартъ мяса отъ больной лошади, сдѣлался боленъ, знахарь сейчасъ объяснить ему, что нехорошій человекъ посмотрѣлъ на конину дурнымъ глазомъ и она испортилась, сдѣлалась вредною.

Въ слѣдующей главѣ представлено положеніе ребенка въ сартовской семьѣ въ дѣтскомъ возрастѣ и воспитаніе, получаемое дѣтьми у туземцевъ. Воспитаніе это далеко неутѣшительно и нравственная сторона дѣла почти отсутствуетъ. Здѣсь приведены дѣтскія игры, пѣни, сказки, то-есть, представлены тѣ условія, подъ какими складывается характеръ будущихъ гражданъ. Дѣтскій возрастъ дѣвочки оканчивается на 12 — 13 годахъ. Тогда она надѣвается чимбетъ (чаще бѣлый кисейный, чѣмъ черный волосяной). И надо замѣтить, что эту занавѣску носятъ онѣ чрезвычайно старательно, никогда не позволятъ себѣ открыть ее, чтобы порисоваться передъ мужчиной своею красотой. И вполнѣ понятно: имъ такъ хотѣлось поскорѣе сдѣлаться взрослыми! Въ „Очеркѣ“ очень подробно описано, какое значеніе имѣетъ для замужней женщины рожденіе перваго ребенка, особенно мальчика (стр. 167—171); но мы не встрѣтили указанія, что такое событіе отмѣчается даже на одеждѣ: на паранджи (халатѣ) прикалывается у плеча пучекъ перьевъ совы. Существуетъ ли такой обычай въ Ферганѣ, не знаемъ, но въ Ташкентѣ намъ довелось его замѣчать не разъ. Туземныя дѣвочки бывають иногда очень красивы, но вслѣдствіе ранняго выхода замужъ, онѣ скоро дурнѣють.

Статья о сватовствѣ и бракѣ довольно извѣстная, такъ какъ религіозныя постановленія вполнѣ точно опредѣлили этотъ обрядъ. Вся суть вертится на калымѣ, платѣ за расходы, употребленные родителями на свою дочь; отсюда вытекаетъ цѣлый рядъ юридическихъ статей, обезпечивающихъ имущественную часть обѣихъ договариваю-

щихся сторонѣ, такъ какъ бракъ у мусульманъ не что иное, какъ дѣловой контрактъ, легко заключаемый и еще легче расторгаемый. Содержаніе слѣдующей главы составляетъ: многоженство, разводъ, вдовство и смерть женщины. Хотя исламъ и разрѣшаетъ мусульманину имѣть одновременно четыре жены, но такая роскошь доступна только людямъ достаточнымъ, такъ какъ свадьба вмѣстѣ съ уплатою калыма обходится очень недешево, а содержаніе женъ тоже представляетъ значительный расходъ (въ случаѣ, если дѣло доходитъ до суда, то казіи присуждаетъ мужа—выдавать своей женѣ въ недѣлю 40 копѣекъ на содержаніе, стр. 123). Количеству женъ у туземнаго жителя сооцѣствуетъ и количество дѣтей, которыя являются нагляднымъ показателемъ благосостоянія извѣстнаго лица, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народа. Этотъ показатель, между прочимъ, весьма краснорѣчиво говоритъ въ нашу пользу. Въ селеніяхъ подѣ русскою властью всегда много дѣтей, бѣгающихъ и играющихъ на улицѣ, но какъ только вы вѣдете въ бухарскіе предѣлы, вы сейчасъ замѣтите, какъ мало тамъ ребятшекъ, этихъ первыхъ и непремѣнныхъ зрителей на поѣздѣ путешественниковъ. Какъ живутъ жены одного мужа между собою изложено въ Очеркѣ обстоятельно, наблюденій приведено не мало ¹⁾. Тутъ кстати не мѣшало бы замѣтить, что домашній халатъ и чалма сарта (конечно у зажиточныхъ) съ утра еще переносятся въ комнату той жены, которую онъ намѣренъ посѣтить. Если сарту приходится по дѣламъ уѣзжать на долго изъ своего города или села въ другое мѣсто, то онъ обзаводится женами, какъ дѣлаютъ это наши татары, въ обоихъ мѣстахъ.

О послѣдней главѣ говорить не будемъ. Въ разныхъ мѣстахъ книги разбросаны мѣстныя повѣрья, суевѣрія и примѣты. Укажемъ на нѣкоторыя, имѣющія значеніе и за предѣлами Ферганы. Во вторникъ мыть голову не полагается (стр. 92); если женщина носить рубаху съ подрубленнымъ подоломъ, ей грозитъ неплодіе (стр. 95); въ пятницу нельзя прясть (стр. 114); пустую колыбель не слѣдуетъ качать, иначе ребенокъ, которому она предназначена, умретъ (стр. 146).

Для полноты очерка можно было бы прибавить сообщеніе о жизни ханскихъ женъ въ Ферганѣ. Послѣ паденія Худояра, жены его раз-

¹⁾ Сарты не даромъ говорятъ: ики-та арбузъ биръ култукда сигмазъ, ики кушкорни калласи биръ казанда кайнамазъ, то-есть, „два арбуза не умѣстишь подѣ мышкой, двѣ бараньи съ рогами головы въ одномъ котлѣ не сварить“.

бѣжались, нѣкоторые поселились въ Ташкентѣ и снова вышли замужъ; онѣ могли бы разказать, какъ жилось имъ въ ханскомъ гаремѣ. Быть можетъ, тутъ открылось бы кое-что и интересное. Въ Бухарѣ существовали для выбора женъ эмиру особыя свахи. Были такіе случаи: эмиръ, желая оказать милость кому-либо изъ своихъ подданныхъ, заявлялъ желаніе жениться на его дочери, если тотъ имѣлъ незамужнюю дочь; но потомъ забывалъ о своемъ обѣщаніи, а та продолжала числиться невѣстою эмира и въ качествѣ таковой не могла уже выйти замужъ ни за кого, хотя бы ей предстояло дожить до преклонныхъ лѣтъ и сдѣлаться старою дѣвой.

Добавимъ нашъ отчетъ еще слѣдующими замѣчаніями: 1) „Религія освобождаетъ отъ поста, между прочимъ, больныхъ и путешествующихъ, и мы знали случаи, когда сартъ отправляется куда-либо нарочито во время поста“ (стр. 129). Такъ дѣлалъ и прежній бухарскій эмиръ. Но въ такомъ случаѣ обязательно совершить постъ въ другое время года, какъ это предписывается кораномъ: „Кто изъ васъ въ этотъ мѣсяцъ (рамазанъ) находится дома, тотъ въ продолженіе его долженъ поститься; а кто будетъ боленъ, или въ путешествіи, тому такое же число дней поститься въ другой мѣсяцъ“ (гл. II, ст. 181). 2) „Въ баню, и то только въ городахъ, ходятъ одни лишь мужчины. Ходить туда женщинамъ считается неприличнымъ“ (стр. 144). Если это дѣйствительно такъ, то подобное явленіе представляетъ особенность Ферганы. Въ другихъ мѣстахъ женщины ходятъ въ баню, въ Бухарѣ имъ отведены извѣстные часы, которые и возвращаются рѣзкимъ трубнымъ звукомъ.

„По установившемся обычаю невѣста послѣ сговора тщательно прячется отъ всей родни жениха, а женихъ не менѣе тщательно прячется и избѣгаетъ встрѣчъ съ родными своей невѣсты“ (стр. 207). Обычай этотъ оказывается довольно стѣснительнымъ, такъ какъ прятаться приходится иногда нѣсколько лѣтъ, если невѣста просватана еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Но прячутся не всѣ родственники огуломъ, а для этого есть точныя правила, кто и отъ кого долженъ прятаться.

О нравственности женщинъ въ Ферганѣ авторы судятъ по городу Намангану, но городъ этотъ особенно отличается такимъ низкимъ паденіемъ своихъ обитательницъ, какъ ни одинъ другой пунктъ Средней Азіи, а потому никакъ не можетъ служить къ вѣрному общенію затронутаго вопроса. Сами авторы „Очерка“ охарактеризовали этотъ городъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги, а на 237

страницѣ наманганки просто выданы головою. Подобныя же замѣчанія намъ самимъ довелось слышать въ кратковременное наше пребываніе въ Наманганѣ. А интересно было бы знать, какія обстоятельства способствовали тамъ распушенности нравовъ?

Среди мусульманскаго населенія Средней Азіи старыя дѣвы встрѣчаются весьма рѣдко. Въ „Очеркѣ“ приведенъ цѣлый рядъ причинъ, которыми обусловливается это явленіе; но забыта самая главная—многоженство, вслѣдствіе котораго спросъ на невѣсты въ нѣсколько разъ больше спроса на жениховъ. Впрочемъ, причина эта подразумѣвается сама собою.

„У мусульманъ женщина не посѣщаетъ мечети; моленія она совершаетъ у себя на дому“ (стр. 151). Если это сказано не про Туркестанъ только, а вообще, то не совсѣмъ вѣрно: наши татарки ходятъ въ мечети.

Нѣкоторые ударенія поставлены не на мѣстѣ, конечно, по ошибкѣ типографіи, напримѣръ, лоѣмъ (стр. 73), кѣтнѣъ (стр. 92).

А гдѣ же традиціонныя эвнухи? спроситъ читатель, дойдя до послѣдней страницы „Очерка“. Въ Средней Азіи никакихъ эвнуховъ нѣтъ, нѣтъ не только у людей богатыхъ, но и у среднеазіатскихъ владѣльцевъ. У бухарскаго эмира за его женами наблюдаютъ женщины же. Если эмиръ, находясь гдѣ-либо внѣ своей столицы, прикажетъ привезти ему женъ, то ихъ сопровождаетъ военный отрядъ, который раздѣляется на двѣ части. Одна предшествуетъ эскورتу за $\frac{1}{2}$ версты отъ него, другая на такомъ же разстояніи слѣдуетъ сзади. Арбы завѣшены, и возницами назначаютъ женщинъ; а для болѣе еще предосторожности путешествіе совершается не днемъ, когда мужчина случайно можетъ увидать женъ эмира, а ночью.

Женская половина охраняется въ Средней Азіи сильнѣе, чѣмъ въ Персіи. Въ послѣдней дѣлается исключеніе по крайней мѣрѣ для шаха, который можетъ войти въ любой гаремъ и осмотрѣть все женское населеніе его; въ Средней Азіи это недоступно ни ханамъ, ни эмирамъ. А еслибы кто изъ нихъ задумалъ пройти въ гаремъ своего подданнаго, „народъ сейчасъ будетъ его (хана) рѣзать“ — рѣшительно заявляли мнѣ сарты.

Пока женщина не сниметъ своего покрывала (чимбетъ), до тѣхъ поръ нечего ждать какихъ-нибудь серьезныхъ измѣненій въ бытѣ мусульманъ. А этого чуть было не случилось, по крайней мѣрѣ были отдѣльныя попытки, но на бѣду, сняли чимбеты женщины легкаго

поведенія и тѣмъ испортили все дѣло, какъ замѣтилъ еще академикъ Миддендорфъ въ своихъ Очеркахъ Ферганы.

„Очеркъ быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы“ трудъ добросовѣстный, въ высшей степени полезный, а главное — образцовый. Изучать и описывать просто, безъ всякихъ претензій на ученость, то, что передъ глазами — вотъ чего желали бы мы отъ мѣстныхъ дѣятелей на далекихъ окраинахъ. Для ученыхъ работъ тамъ не найдется подъ часъ самыхъ необходимыхъ пособій, безъ которыхъ нельзя обработать тотъ или другой предметъ, какъ слѣдуетъ, и выйдетъ изъ такой работы лишь бесполезная трата времени для себя и для другихъ; труды же въ родѣ настоящаго „Очерка“ всегда будутъ цѣннымъ вкладомъ въ науку.

Н. Весселовскій.

Лорренскія сказки.

Emmanuel Cosquin. CONTES POPULAIRES DE LORRAINE comparés avec les contes des autres provinces de France et des pays étrangers et précédés d'un essai sur l'origine et la propagation des contes populaires européens. Paris.

Въ 1876—1881 годахъ Э. Коскенъ напечаталъ въ Romania сто французскихъ народныхъ сказокъ, собранныхъ имъ и его сестрами въ одной деревнѣ Лоррени, Montiers-sur-Saulx. То обстоятельство что сказки записаны были въ одной, и притомъ ограниченной области, имѣетъ свои хорошія, но и свои дурныя стороны. Съ одной стороны, намъ чрезвычайно интересно узнать, на одномъ примѣрѣ, каковъ бываетъ сказочный репертуаръ небольшого деревенскаго ученика, какіе стародавніе фантастическіе сюжеты питаютъ его воображеніе, вѣчно юные въ своихъ повтореніяхъ и нерѣдкихъ дублетахъ. Съ другой стороны, нельзя ожидать, чтобы всѣ эти сюжеты, или лучше, сказочныя схемы, сохранились въ желанной полнотѣ, при чемъ мѣркой намъ служить не идеальный сказочный шаблонъ, въ родѣ установленныхъ гипотетически Ганомъ и др., а тѣ же схемы въ другихъ пересказахъ, производящихъ впечатлѣніе большей полноты. Въ этомъ отношеніи сказки Коскена заставляютъ желать многого, что отразилось, какъ увидимъ, и на распорядкѣ его комментарія, сразу остановившаго на его сборникѣ вниманіе такихъ знатоковъ народной литературы, какъ Р. Кёлеръ.